

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

ПОЛОСА ЧЕРНАЯ,
ПОЛОСА БЕЛАЯ

Татьяна Устинова рекомендует

Екатерина Островская

Полоса черная, полоса белая

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Островская Е. Н.

Полоса черная, полоса белая / Е. Н. Островская — «Эксмо»,
2019 — (Татьяна Устинова рекомендует)

ISBN 978-5-04-103592-1

Еще недавно бывший сотрудник полиции Сергей Ерохин работал охранником в магазине и с тоской вспоминал бросившую его жену Ларису. Но на смену черной полосе пришла белая – он получил престижную и хорошо оплачиваемую работу в банке. Однако Сергей знал, что там творятся грязные делишки – недавно из Невы было выловлено тело человека, следы убийц которого вели именно в этот банк. А потом непосредственный руководитель дал Ерохину задание организовать преступление...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103592-1

© Островская Е. Н., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	17
Глава четвертая	23
Глава пятая	31
Часть вторая	37
Глава первая	37
Глава вторая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Екатерина Островская

Полоса черная, полоса белая

© Островская Е., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть первая

Суббота

Глава первая

Прогремел охрипший от старости будильник.

Звук был такой противный и громкий, что Сергею спросонья показалось, что за стеной работает перфоратор. Ерохин открыл глаза и вскочил возмущенный: причем так стремительно, что непонятно было, что он сделал сначала – поднялся с кровати или открыл глаза.

Будильник лежал на прикроватной тумбочке циферблатом вниз, гремел и подпрыгивал, словно пытался подняться и встать на свои металлические ножки. Но это ему не удавалось уже года два с того времени, когда одна из ножек отвалилась от злобы, разрывающей изнутри и заставляющей механизм еще громче орать от боли и ненависти ко всему человечеству.

Сергей поднял будильник и взглянул на циферблат, на котором красовалась эмблема Московской олимпиады, – половина девятого. Прежде он так поздно не просыпался – тем более с помощью будильника. Но прежде и жизнь была другая. Тогда глаза сами собой открывались ровно в семь утра, потом зарядка: наклоны вперед с касанием ладонями пола, полсотни приседаний, потом столько же отжиманий, раскачивания на полушпагате для растяжки и пара минут боксерского поединка со своим отражением в зеркале шкафа-купе.

Лариса смотрела на него, лежа в постели, и улыбалась.

Он спешил в душ, а жена на кухню, чтобы сделать для него яичницу или сварить сосиски с макаронами.

В восемь тридцать он уже был в отделе, проверял оперативные сводки по городу и району, рассматривал ориентировки, после чего проводил небольшое совещание с сотрудниками убойного, который возглавлял. Хотя он не был начальником, а только исполняющим обязанности. Исполнял обязанности почти три года, устал спрашивать, когда его утвердят, заранее зная ответ: пока он старший лейтенант и по штатному расписанию не может занять эту должность, а вот когда Ерохину присвоят капитана – тогда сразу. А представление на очередное звание в управление кадров начальство почему-то отправлять не спешило.

Но других претендентов не было.

Однажды из главка прислали не очень молодого майора, который приходил на работу к десяти, совещаний не проводил, а подчиненным даже руки не протягивал для приветствия.

Сергей делал всё то же, что и раньше, а майор в конце каждого дня его материл. Новое начальство появилось в понедельник, а на той же неделе – в пятницу внезапно исчезло.

Точнее, майор вышел из кабинета около пяти дня, а в полночь в одном баре сработала кнопка тревожной сигнализации, куда тут же вылетела группа захвата вневедомственной охраны.

Новый начальник убойного отдела стоял посреди зала, размахивая пистолетом. На полу лицами вниз, прикрывая затылок ладонями, лежали бармен и посетители, которым майор приказывал его уважать.

Увидев людей в касках и бронежилетах, он произнес устало:

– Пакуйте всех и ко мне в отдел быстро! Я допрошу каждого...

Так Ерохин снова стал исполняющим обязанности. И процент раскрываемости его убойного был лучшим среди всех отделов полиции города.

Но это было уже очень давно, почти пять лет назад...

Сергей вышел в коридорчик, посмотрел в сторону кухни и увидел сидящую за столом тетку.

– На работу не опоздаешь? – поинтересовался он.

– Так сегодня суббота – выходной. А разве ты сегодня работаешь?

Ерохин кивнул и, уже зайдя в ванную комнату, соврал:

– Сегодня совещание в полдень, сметаюсь туда, а потом свободен до понедельника.

На самом деле никакого совещания не предвиделось: его вызвал заместитель директора охранного агентства по кадрам. Вызвал не сам, а приказал сделать это секретарше, которая предупредила:

– Будут решать ваш вопрос, Ерохин, потому что вы уже всех достали.

– Что я еще сделал такого?

– Да вы сотрудника универсама избили.

Теперь он чистил зубы и глядел на свое отражение. Смотрел и думал, что к этому заму по кадрам можно не ходить вовсе: его в любом случае уволят, а так еще и выскажут много чего неприятного, обидного и несправедливого.

Уволят наверняка, потому что понижать в должности уже некуда, а потому сегодня можно не бриться. Но если этого не сделать, то тетка наверняка догадается, что никакого совещания не предвидится.

Пенка для бритья закончилась, баллончик ничего не выдал, кроме хрипа, пришлось намыливать щеки и шею мылом. Лезвие было тупое, а из зеркала на Ерохина смотрел незнакомый ему озлобленный человек, которому тридцати семи лет никто бы сейчас не дал – сорок пять в лучшем случае. Но после окончания бритья возраст странным образом вернулся.

Сергей вышел из ванной комнаты и прошел на кухню. Сел за стол; тетка подвинула ему тарелку с котлетами и пюре.

– Да я как-то отвык есть по утрам, тетя Нина, – произнес он.

– Какая я тебе тетя?! – возмутилась женщина. – Я всего на двенадцать лет тебя старше. То есть почти на двенадцать. Сколько раз тебе повторять: называй меня просто Нина.

– Хорошо, Нина, – кивнул Ерохин.

И начал с пюре.

Сестра отца сидела напротив и рассматривала его.

– Ты ведь на своей работе какой-то начальник? – поинтересовалась она.

– Начальник дежурной смены, – подтвердил Сергей и принялся за котлету, чтобы Нина не заметила его лжи, – я же тебе говорил.

– Я помню, но вчера мне одна знакомая звонила: сказала, что видела тебя в универсаме в форме охранника. Так вроде какая-то бабулька взяла товар и хотела уйти, не рассчитавшись. А ты ее поймал и увел.

– Это не я был. Что мне делать в универсаме? Я в кабинете сижу. Или перед пультом видеонаблюдения. Ошиблась твоя подруга.

– Вообще-то это моя бывшая одноклассница. Мы с ней вместе с тобой нянчились, когда ты маленьким был, и потом, когда твоя мать тебя и брата моего бросила.

– Я-то теперь не маленький: вот и обозналась она. Сколько лет-то прошло...

Завтракать уже не хотелось, но пришлось все доедать, а потом пить горький кофе.

– Может, ты в полицию вернешься? – с надеждой поинтересовалась тетка.

Сергей потряс головой и поднялся.

– Спасибо, все было очень вкусно. А в полиции я никому не нужен.

Одноклассницу Нины он вчера узнал раньше, чем она его. Хотел отойти подальше. Но тут к кассе подскочила Фатима, администратор по залу, и закричала, указывая на направляющуюся к выходу старушку:

– Держи ее! Это воровка!

И сама бросилась к дверям. А следом за ней Фарух, развозящий товар по залу.

Его Ерохин удержал и приказал возвращаться на рабочее место. Тот нехотя удалился, унося с собой едкий запах парфюмов. А вот Фатима уже вцепилась в бабку и выхватила у нее пакет с купленной провизией.

– Ты – паразитка! – орала администратор по залу, вынимая продукты и складывая их на полку возле камер хранения. – Ты зачем ворует?! Честно жить тебе не надо, как всем?! Где твой чек?

Она стала сверять разложенные товары с чеком, продолжая возмущаться.

Ерохин подошел и сказал бабушке:

– Вы уж простите.

– Я – не воровка, – заплакала старушка, – я – блокадница. Вот мое удостоверение.

– Здесь все правильно, – удивилась Фатима, – а теперь показывай, что в твоей сумке.

И она рванула сумку на себя.

– Прекрати! – не выдержал Ерохин.

Но администратора по залу уже было не остановить.

– А-а-а!!! – во все горло закричала она. – Вот оно! Два сырка шоколадных и печенье!!!

Воровка!

– Это я в другом магазине купила, просто не сдала в камеру. Там чек должен быть.

– Охранник! – приказала Фатима. – Вызывай скорее полицию, а то мы сами с ней сейчас разберемся. Ишь чего удумала, старая! А ведь она сюда часто приходит. Сколько ты наворовала, тварь? Ну, ничего, сегодня за все заплатишь!

Снова рядом нарисовался Фарух. И наклонился к плечу Ерохина.

– Ты понял, Серега? – шепнул он. – Так ее надо обыскивать. Давай мы ее в подсобку отведем...

И снова в ноздри Сергея шибанул бешеный букет ароматов – тех ароматов, которые продавались в парфюмерном отделе.

– Я вызову полицию, а вы пока понятых найдите для досмотра гражданки.

– Какой такой понятой! – закричал Фарух.

И тут же включилась замолчавшая ненадолго Фатима:

– Ты что, не понял? Она тут ворует целый год, а потом везде недостачи.

Они бежали следом, до дверей комнатки охраны.

Старушка еле плелась и тихо плакала, а потому Ерохин тащил ее под локоть, торопясь уйти от преследователей. Фатима с Фарухом хотели проскочить внутрь, но Сергей запустил сначала бабушку, сам остался в проеме, а когда молодой человек толкнул его, заломил руку Фаруха ему за спину и сказал спокойно:

– Еще дернешься – сломаю одну руку, а потом вторую, чтобы ты больше не воровал женские духи.

После чего закрыл дверь.

Старушка что-то искала в своей сумочке.

– Я точно помню, что чек был... Сейчас не могу найти...

– Не надо искать: я верю.

На столе стояла бутылка кваса. Ерохин взял ее и спросил:

– Будете?

И, не дожидаясь ответа, наполнил стакан.

Он вышел из комнатки и подошел к кассе, возле которой его поджидали Фатима и Фарух. Посмотрел, где одноклассница Нины, но та уже поспешила удалиться.

– Сколько стоят эти два батончики и пачка печенья «Мария»?

– Надо уточнить, – ответила кассирша, – рублей сто пятьдесят, наверное.

– Больше! – крикнула Фатима.

Ерохин достал из кармана две сторублевки и протянул кассирше.

– Пробейте по кассе.

Но деньги выхватила администратор по залу.

– Я сама. Сейчас за товаром сбегая – цену уточню.

Сбегала она не за товаром, а к телефону, потому что не прошло и получаса, как Сергею позвонила та самая секретарша и сообщила, что в полдень следующего дня его ждет зам по кадрам.

Глава вторая

Вообще-то странно, что зам по кадрам назначил ему встречу в выходной день.

Охранное предприятие «Сфера» было учреждено бывшими сотрудниками полиции, и кадрами там заведовал тоже бывший сотрудник, который, впрочем, к реальным делам никакого отношения не имел, а руководил паспортным столом в одном из отделов. Про прошлую его жизнь Ерохин ничего не знал, как, впрочем, и про нынешнюю, но теперь у бывшего паспортиста был отдельный кабинет и небольшая приемная с секретаршей.

Сергей теперь сидел и смотрел на дверь, на которой блестела табличка с гравировкой «Заместитель генерального директора по кадрам Леонид Иванович Садыков».

Иногда Ерохин посматривал на часы, потому что обе стрелки уже перевалили за число 12. Иногда еще смотрел на секретаршу, которая раскладывала пасьянс в компьютере. У секретарши были крашенные белые волосы и короткая юбка, а больше ничего, что могло бы привлечь внимание. Когда он посмотрел на нее еще раз, секретарша, не поворачивая головы, спросила:

– Что вы на меня так уставились? Что-то интересное хотите во мне найти?

– Нет, – честно ответил Сергей, – ничего интересного в вас найти я при всем желании не смогу.

– Хам, – обиделась девушка.

Тут открылась дверь, и выглянул Садыков, посмотрел на посетителя, потом внимательно на девушку, словно пытаясь удостовериться, что Ерохин за время своего пребывания в приемной ничего с ней не сделал, после чего махнул рукой:

– Заходи!

Кабинет был маленький, едва ли больше приемной. Вдоль стен расположились шкафы и полки с папками, в которых хранились личные дела сотрудников, и большой телевизионный экран на стене.

Садыков протиснулся за свой стол и уселся в кожаное кресло. Потом он повернул к себе стоящую на столе фотографию в бронзовой рамке, посчитав, очевидно, что Ерохин недостоин видеть ее.

Но Сергей успел рассмотреть Садыкова с какой-то толстой брюнеткой лет сорока на фоне Эйфелевой башни. Садыков и брюнетка держали за руку пухлого пацана лет двенадцати с необычайно наглым выражением лица.

– Понял, зачем тебя вызвали?

Ерохин кивнул.

– Так что пиши заявление по собственному. И скажи спасибо лично мне, что я отмазал тебя. Пострадавший снял побои и уже написал заявление о причинении ему сам знаешь чего.

– Не знаю, – удивился Сергей, – рабочий по залу Фарух Абдуразаков пытался ударить старушку, я просто поймал его руку.

– Повалил на землю и долго бил ногами.

– Правда? – не поверил Сергей. – И он жив до сих пор? Семь лет назад я на промзоне брал убийцу троих человек. Мне вечером домой позвонил участковый и сообщил, что видел похожего типа. Мы пошли проверять. Я даже в оружейку не заглянул, чтобы взять «ПМ». Позволили в дверь, участковый свое табельное оружие из кобуры не достал. Дверь открылась, и на меня бросился мужик с десантным ножом. Участковый едва убежать успел. А я сломал убийце руку и уже лежащего ударил ногой три раза. Сломал ему нос, челюсть и ключицу. Все длилось три секунды... Ну, может, четыре. А вы говорите, что я какого-то ушлепка долго бил ногами...

– Поосторожнее в выражениях. Он ведь тоже личность.

– Личность – это тот, кто превосходит всех остальных добрыми делами, а ваш Абдуразаков торчит целыми днями в отделе парфюмерии и прыскает на себя из всех флаконов под-

ряд, срывая фабричную упаковку. Он по-русски писать не умеет, так что не мог на меня заявку состряпать. А вот Фатима – запросто. Она приводит на работу своих родственников, знакомых и просто земляков, за что они отчисляют ей десятую часть своей зарплаты, а еще она сдает им всем двушку на первом этаже хрущевки. Каждый проживающий отстегивает ей по пять тысяч. Понятно, что ей еще приходится делиться с участковым, но все-таки.

– Прекратите! – остановил Сергея зам по кадрам. – Это не доказано.

– А чего тут доказывать? Адрес я вам укажу, там в настоящий момент проживает семнадцать человек. С этими кадрами можете побеседовать – это ведь ваша прямая обязанность.

– Все! – не выдержал Садыков. – Вы у меня вот где!

Он показал на свое горло.

– Я взял вас из сочувствия. Хотя по службе к вам было очень много претензий. Но вы служили под началом полковника Коптева, а это уважаемый человек. Теперь районным отделом полиции руководит. Думал, что вы у него чему-нибудь научились. Потом взглянул на ваше личное дело. Кроме выговоров, ничего там нет. Другие как-то умудряются...

– Ну да, – согласился Ерохин, – тот самый участковый, о котором я уже рассказывал, после того задержания получил за поимку особо опасного миллион рублей премии. А с меня в порядке поощрения сняли ранее наложенное взыскание.

– Пишите заявление, – напомнил Садыков, кладя на стол перед ним лист бумаги для принтера.

– Прошу уволить меня по собственному желанию, – начал писать Сергей, диктуя вслух самому себе, – в связи с переходом на новую более престижную работу. На чье имя?

– На мое, – подсказал зам по кадрам.

Закончив писать, Ерохин протянул листок Садыкову и, когда тот взял его, спросил:

– Коптев тоже в числе учредителей «Сферы»?

Зам по кадрам попытался выдернуть листок, но Сергей держал его крепко.

– Так он – учредитель?

– Отдайте ваше заявление, – прошептал зам по кадрам.

– Ответите – отдам, хотя я и так это знаю.

– Если знаете, то зачем спрашиваете? И запомните: меньше знаешь – лучше спишь.

Садыков забрал листок, положил на стол и начал разглаживать ладонью помятый уголок.

– Теперь по поводу этой Фатимы, – продолжил Ерохин. – Однажды я поймал ее на служебном входе, когда она выносила два пакета с ворованным товаром. Она мне клялась больше этого не делать. Не делает, но теперь воруют те, кого она привела на эту работу и кому сдает жилье. Они под одеждой выносят дорогой алкоголь, банки с икрой и прочее. За день на пятьдесят тысяч выносят легко. Потом это списывается на воровство покупателей, на бой. У Фатимы есть постоянная клиентура. Она работает под заказ.

Он пошел к выходу и, когда взялся за ручку двери, услышал слова Садыкова:

– Расчет получите в понедельник. Я даже распоряжусь, чтобы вам премию выписали тыщонку-другую.

Ерохин сидел за столиком в пивной забегаловке и слушал современную музыку в исполнении популярных певцов.

– Не важно, кто чего спросил, не важно, кто чего ответил, – противно растягивая слова, шептала певица, а может, и певец, – таких, как я, на белом свете больше нет...

«Значит, все-таки певица», – догадался Сергей.

Подошла официантка и поставила на стол кружку с пивом и тарелку, на которой лежала вяленая рыбка.

Пиво было немецким, сваренным в Калуге, а плавники крупной плотвички были не розовые, а серые.

– Что еще желаете? – спросила девушка.

Ерохин понюхал рыбу.

– У местных рыбаков покупаете? – спросил он.

– Не знаю, – пожала плечами девушка и покраснела.

– Бензином пахнет: в черте города ловили.

– Унести?

– Оставьте.

Он сделал небольшой глоток. Потом начал чистить плотву. Рыба чистилась плохо.

Сергей так увлекся этим занятием, что не заметил, как к столику кто-то подошел. Разглядел только ноги в стоптанных рыжих ботинках.

Поднял голову и увидел перед собой мужчину лет шестидесяти.

– Привет, Калоша, – сказал он, снова вернувшись к плотве.

– Сколько зим, сколько лет, – обрадовался мужчина, перетаптываясь с ноги на ногу.

– Присаживайся, – кивнул Ерохин.

– Сколько лет! – повторил Калоша. – А вы не при делах сейчас, как я слышал. Столько теперь интересного, а поделиться не с кем. Был один честный мент в районе, но его убрали.

– А ты, я гляжу, разбогател: шалманы посещаешь. А прежде в своем подвале только вечеринки устраивал.

– Я здесь по делу: рыбу ловлю, вялю и сдаю на реализацию, раз в неделю прихожу за вырубкой, – он показал на очищенную рыбку, – эту плотвичку тоже я поймал, кстати.

Сергей протянул ему плотвичку.

– Угощайся.

Калоша вздохнул.

Ерохин подвинул ему свою кружку и сказал:

– Пей, я, как ты знаешь, прежде не пил, и сейчас не приучился. Взял кружку просто так, чтобы домой не тащиться.

– Вы все там же обитаете? – спросил бомж.

– Сдаю квартиру. Разбил машину в свое время. На новую денег нет, и решил таким образом подзаработать. Теперь там студент тусуется. За два года он мой долг за машину покрыл, но попросил до конца сессии там пожить. Осталась всего неделя. Даже меньше. А у тебя что?

– Да я тоже свой подвал армянскому сапожнику отдал. Он все там оборудовал. С утра до вечера работает, а я только переночевать прихожу. Чисто, кожей пахнет, ваксой всякой – приятные запахи. Сапожник меня заодно обувью обеспечивает. Жизнь налаживается, как говорится.

Калоша сделал большой глоток, потом еще один поменьше.

– Варштайнер, – произнес он, – мое любимое. В девяностых я только его и попивал, пока на кичу не загремел. Я вернулся – ничего нет. Жена развелась со мной, квартиру продала – я на нее оформлял. А все накопления по суду отняли.

– Я в курсе, – кивнул Сергей, – сейчас-то у тебя что? Ведь чую, что сказать чего-то хочешь.

Калоша вздохнул.

– Если только чтобы груз с души снять. Расскажу, пожалуй.

Он сделал еще один глоток и обернулся. Но зал был пустой, лишь за одним из столиков сидела парочка молодых людей, очевидно, студентов.

– Здесь такое дело, – перешел на шепот Калоша, – пару недель назад отправился я на рыбалку на Малую Неву, где раньше причал для барж был, потом там рыбаки швартовались, там еще заводик был в советские времена... в очень далекие.

– Я представляю. Ближе к делу.

– Ну, там и сейчас какое-то ржавое корыто у причала киснет. Там иногда бичи обитают, но крайне редко, потому что менты облавы устраивают... Короче. Пристроился я на корме того корыта. Ловлю рыбку. Пока зорька вечерняя была, вытянул, что бог послал: окушков несколько, плотвичек опять же, судачок один сорвался – точно на килограмм был. А потом стемнело. Я хотел уже на берег сходить. Но тут машина подъехала... Без фар, без всего – тихо так подъехала. Я зашхерился за рубкой. Наблюдаю. Из машины выходят двое, открывают багажник и что-то выносят. На борт зашли и с кормы бросили. Нет – не с кормы. С полубака сбросили. Хоть и темно было, но то, что они человека сбросили, – факт. В смысле, труп сбросили. А потом уехали.

– Фары включили или габариты?

Калоша кивнул.

– Типа того.

– То есть осветился номер, и ты его срисовал?

– Не то чтобы, но цифры запомнил. И некоторые буквы. Регион наш.

Калоша посмотрел внимательно на Сергея.

– Вот такие дела у нас нынче.

– Дорогой, я тебя знаю от и до, – напомнил Сергей, – ты не просто номер срисовал, а даже машину вычислил, а теперь эту информацию хочешь продать дорого. Но боишься. Но только я не покупаю ничего. А к ментам тебе ходить западло.

Калоша вздохнул, а потом махнул рукой:

– Только для вас, Сергей Николаевич. Вы мне помогли в свое время. Я тоже для вас старался в меру своих сил. Расскажу до конца. Авось вам пригодится. Дело в том, что к моему сапожнику заходит приятель – тоже армянин, они там выпивают иногда коньячок, меня порой угощают. Так этот приятель его служит в ГИБДД, и я ему сообщил, что меня чуть не сбил черный внедорожник. Я, дескать, номер запомнил и хочу призвать их к ответственности. Гаишник этот записал номер, а на следующий день пришел и сказал, что это машина банка «Зебест» и он мог бы взять их на пушку. Просил меня рассказать о том событии, которое я выдумал, естественно, потому что меня никто не сбивал. Я сказал, что переходил Уральскую улицу, а машина на скорости была. Я увернулся, но все равно упал. Приятель моего армянина обрадовался и пообещал мне коньячок.

– И что?

– Вот тут-то... как бы сказать... – Калоша снова вздохнул, – как раз с этого момента заморочка и начинается. На той неделе я рассказал выдуманную мною историю, а вчера мой сапожник был сам не свой, потому что кое-что узнал о своем друге. Дело в том, что гаишник этот пропал, а вчера или позавчера его отыскивали за городом в лесополосе. Нашли не его, а тело со следами пыток. Вот я и думаю: не связано ли это как-то с той лабудой, что я ему наплел?

– Ты появлялся в том подвале?

– Со вчерашнего дня нет.

– И не появляйся. Армянина предупреди, что его точка накрылась.

Ерохин помолчал и спросил совсем тихо:

– Что ты обнаружил на трупе?

– Каком? – не понял Калоша.

– Зная тебя, не сомневаюсь, что, после того как от причала отъехал черный внедорожник, ты снял рубаху и штаны, залез в воду, вынул тело и обыскал. Ты хорошо знаешь, что каждая вещь стоит денег. Хотя мобильный телефон продавать опасно, но можно, часы скидываются легко, а если еще и бумажник был...

– Лопатника не было. Документов тоже, как и телефона. В пиджаке и в брюках только несколько купюр разного достоинства – на пять с небольшим тысяч. Была цепочка золотая на шее и часы «Ролекс», но обычные – не золотые...

– Все скинул?

– Цепочку гаишник взял, а «Ролекс» – мой сапожник. За все – семь тысяч навара, а головной боли теперь столько!

– Есть куда уехать?

– Естественно: Россия большая, но под старость новую жизнь начинать – ой как не просто!

– А ты махни в теплые края. Пить бросай, устройся на работу на лодочную станцию, к примеру, или на турбазу. Лови рыбку с утра до вечера. Познакомься с какой-нибудь вдовушкой лет пятидесяти.

– Зачем мне такая старая? – возмутился Калоша. – Мне самому только пятьдесят девять предвидится.

– Да ладно, – не поверил Сергей, – мы почти лет шесть как знакомы, а уже тогда считал, что тебе шестьдесят. Деньги при тебе? Потому что если в твоём подвале остались, то возвращаться туда опасно.

Его собеседник кивнул:

– При мне денежки. Почти сорок тысяч накоплений.

– Ну вот, на первое время хватит. Погоди... Чуть было не забыл. Что еще было при том труп? Ты его на берегу оставил?

– Скинул обратно. Где взял, туда и вернул. А насчет того, в чем вы меня подозре...

– Значит, при трупе была в самом деле волына, и получается, что это бандитские разборки. От пистолета избавься, только не продавай, а выброси в укромном месте. Лучше в Неву с моста.

– А для личной безопасности?

– Какая безопасность, Калоша? Тебя первый же мент остановит для проверки документов, а у тебя в кармане ствол. Кстати, он у тебя за поясом в штанах. Выпирает так, что грамотный человек сразу поймет.

– Вещь денег стоит.

– А если волына замазана? Если на ней убийство или несколько жмуриков? Менты на тебя это все повесят и премию получают. Кому прокуратура поверит: бомжу или следователю? Выброси!

Калоша боролся с собой.

– У меня есть знакомый, который подобными штуками интересуется. Человек он незаметный, но у него есть сбыт. Мне подкинет стоху зелеными, а сам баксов за семьсот продаст.

– Твоя жизнь дороже стоит.

– Это правда, – согласился бомж. – Только я не поеду избавляться сейчас. Хотите, гражданин начальник... То есть гражданин бывший начальник, я вам его отдам. Прямо сейчас.

Ерохин покачал головой.

– Не здесь, а когда выйдем. Где-нибудь подальше от любопытных глаз.

Калоша взял кружку и залпом выпил остатки пива.

– Хотелось бы еще парочку на грудь принять, – сказал он, – но не буду, а то сяду на кочергу, очнусь потом в какой-нибудь ментовке, побитый и без бабла. На самом деле я уже почти две недели совсем не принимаю, а на пиво сегодня вы меня сагитировали, Сергей Николаевич.

Они вышли на улицу и пошли, никуда не торопясь. Зашли в какой-то двор, где, огороженная низким забором, располагалась территория детского сада, с кустами, деревьями и деревянными зимними горками. Присели на травку за деревьями.

Калоша достал из-за пояса пистолет и протянул Ерохину.

– Вы помните... – начал было бомж и усмехнулся, – вы, конечно, помните и сейчас наверняка удивились такому странному совпадению. Когда-то я тоже передал вам волюну, из которой грохнули вице-президента банка. Как же назывался тот банк?

– Ты прекрасно знаешь. Как раз «Зебест»-банк этот и был. Совпадение действительно странное.

– Так в нашем районе он самый крупный, не считая всяких «Сбербанков» и прочих государственных. Неужели вы тогда ничего не смогли сделать? Я же и на киллера наводку дал. Сколько же прошло – лет пять, наверное. Я как раз дворником устроился, чтобы этот подвальчик получить для проживания. Но теперь все. Кончилась моя сладкая жизнь – долще вита. Теперь отправлюсь на Киевское шоссе, к отстойнику для дальнобойщиков. Набьюсь к кому-нибудь в попутчики. И через пару деньков буду на песочке у моря косточки греть. Только я так понимаю, что теперь мне надо новой ксивой обзаводиться, а то Калошин – слишком приметная фамилия. Стану Ивановым или Петровым... Жизнь все равно теперь будет новая.

– Как паспорт раздобудешь?

– Да это не проблема.

Ерохин поднялся с травы и протянул руку.

– Ну, тогда прощай.

Калоша тоже поднялся.

– Спасибо вам за все.

Потом задумался и развел руками:

– Я с него ботинки еще снял, если уж быть искренним до конца. Совсем новые были из хорошей кожи. Модель называется «оксфорд». Акоп взял, косую за них отстегнул... И еще: в носке, что был на трупе, нашел банковскую карту. Снять с нее бабла все равно не удастся – я же пин-кода не знаю. Да тут и фамилии владельца нет. Странная карточка какая-то...

Бомж достал из кармана пластиковый прямоугольник.

– Какой-то «Лоял»-банк. Может, того парня из-за этой карты и грохнули?

Ерохин взял карту и начал рассматривать.

– Иностранный банк: не слышал про такой. Но я в этих делах не силен. А то, что нет фамилии клиента, скорее всего, обозначает, что это корпоративный или офшорный счет.

– Ну, ладно, я пошел, – произнес Калоша.

Повернулся, сделал несколько шагов, но остановился.

– Сергей Николаевич, вы все же загляните в подвальчик. Скажите Акопу, чтобы он тоже слинял побыстрее.

Вход в обувную мастерскую был со двора. Над единственным окошком подвальчика висела вывеска. Окошко было узким и длинным, вывеска была такой же: «У Акопа пошив, ремонт и полная реанимация обуви». Буквы были аккуратными и ровными – вряд ли сапожник писал их сам – вероятно, это было творчество Калоши.

Ерохин, перед тем как подойти, осмотрелся: двор был пуст – только в конце его, возле трансформаторной будки, стояли пара автомобилей.

Ступени были высокими и крутыми.

Сергей спустился, толкнул тяжелую металлическую дверь и сразу оказался в помещении, перегороденном высокой стойкой, за которой располагался стол сапожника, полки с обувью и большим рекламным плакатом с Ким Кардашьян в нескромном бикини.

На плакате крупная надпись: *«Багамы – место вашей мечты. Перелеты в Сен-Винсент с большими скидками».*

Под самой впечатляющей частью тела Кардашьян висела полка, на которой стояли бежевые ботинки с перфорированными носками и прикреплен лист бумаги с корявой надписью

шариковой ручкой: *«Самые лучшие ботинки в мире «Оксфорд» натуральная кожа размер 43 цена 10 тысяч даром».*

В помещении было пусто.

– Хозяин! – позвал Ерохин, потом постучал по стойке и крикнул: – Акоп!

Перегнулся через стойку и увидел мертвое тело.

Сапожник лежал на спине. Убит он был двумя выстрелами в грудь в область сердца. В руке он сжимал нож для разрезания кожи: очевидно, Акоп пытался защищаться. Ящики, находящиеся под стойкой, были выдвинуты, и то, что в них находилось раньше, разбросано по полу: квитанции, мелкие купюры, мелочь, сапожные гвозди, застёжки, молнии, тубики с клеем... Здесь что-то искали и, судя по всему, не нашли.

Ерохин быстро вышел из подвальчика, поднялся по ступеням и увидел идущую к нему пожилую женщину.

Он развернулся и направился в сторону трансформаторной будки, стараясь не побежать сразу. И все равно в мозгу стучала фраза: «Влип. Точно бабка меня запомнила».

Глава третья

Пять лет назад Калошина привели к нему на допрос. Взяли его за просто так на улице. Задержавшие его сотрудники ДПС объясняли, что бомж похож очень на того, кто был в ориентировке. Взяли его утром, и целый день Калоша просидел в обезьяннике.

К вечеру в свой отдел вернулся Ерохин, и дежурный показал ему на задержанного. Сергей подошел к решетке и сразу понял, что патрульные явно обозначились.

В ориентировке был указан мужчина тридцати-сорока лет выше среднего роста, а этот едва дотягивал до метра семидесяти пяти. Но все равно он повел его в свой кабинет, и, пока поднимались на второй этаж, бомж ныл:

«Начальник, я не при делах. Свое отсидел, теперь вот дворником подрабываю. Если к вечеру на месте не буду, то меня уволят к чертям собачьим. А у меня подвальчик служебный. Что теперь остается – по улицам попрошайничать...»

Но все равно Ерохин опросил его на предмет знакомых, связанных с криминалом.

Калошин сказал, что таких и сам пугается.

– Ладно, но все равно посидишь у нас пару суток до выяснения.

– Начальник, – взмолился задержанный, – лучше сразу на зону, нет сил больше вот так неприкаянным. Я сейчас хоть дворник, но, когда надо, и по электрике или сантехнике жильцам помогаю. Как мне такое бластное местечко потерять?

Сергей, разумеется, не соглашался, но потом предложил:

– Отпущу, если ты согласишься делиться информацией. Меня кражи, угоны не интересуют. Я убийствами занимаюсь. Так что если что-то узнаешь...

Калоша согласился почти сразу, но поставил условие.

– Если замочат хорошего человека, а я буду знать, кто это сделал, скажу. А если педофила или коррупционера какого-то грохнут, считайте, что не видел и не слышал. Не хочу, чтобы за благое дело кто-то срок мотал.

На том и порешили.

Калоша Ерохину не звонил, а Сергей заходил пару раз в его подвальчик, чтобы тот его не забывал.

...Однажды вечером он вернулся домой и застал Ларису на пороге. Она собиралась куда-то бежать. Успела сообщить только, что это по работе и постарается вернуться поскорее. Она только-только начала работать в центре психологической помощи, и работа ей очень нравилась. А Ерохину нравилось все, кроме того, что центр этот был не государственным, а коммерческим предприятием, и все обратившиеся туда должны были платить за оказанную им психологическую помощь.

Жена чмокнула его в щеку и поспешила к лифту. И он ничего не сказал ей: во-первых, потому что любил, а во-вторых, Лариса зарабатывала больше его и боялась потерять работу.

Она делилась с Ерохиным некоторыми подробностями, рассказала даже, что ей дали своего подопечного – постоянного клиента, который обращается в этот центр уже почти год, приходит и рассказывает, как у него все плохо в жизни.

Раньше его выслушивал другой специалист, а Лариса присутствовала, стажирясь у опытного психолога. Теперь этого несчастного отдали ей. А потом обещали подбросить и других, а это значит, что зарплата у нее возрастет.

Она приехала из Ростовской области учиться на психолога.

Семья ее жила бедно, по словам самой Ларисы, даже очень бедно. А когда оказалась в чужом городе, где все стоит так дорого, вспоминала дом как счастье. А здесь хотелось есть постоянно.

На втором курсе познакомилась с бизнесменом, который начал ее водить по ресторанам, ничего не требуя взамен. Так она рассказывала Ерохину. А потом бизнесмен снял для нее квартиру и поставил перед выбором: или голодная жизнь, или жизнь без проблем. Она подумала и согласилась, потому что он был неплохим человеком, разве что женатым.

В съемную квартиру она въехала перед самым Новым годом на втором курсе, а через четыре месяца ее любовника застрелили. Они вышли из ночного клуба, он помог ей сесть в такси, хотел тоже опуститься на сиденье, и в этот момент в него выстрелили через открытую дверь.

Сергей сам выезжал на место, опросил девушку и даже попросил показать, что у нее в сумочке.

В сумочке оказался вполне дамский набор, включая вполне приличную, по мнению Ерохина, сумму. Это немного насторожило, потому что в карманах убитого денег практически не было. Но думать о том, что симпатичная второкурсница обчистила карманы любовника до приезда полиции, не хотелось. Лариса была молода, мила и очень застенчива.

Тогда он растерялся, потому что сразу понял, что девушка нравится ему, и даже больше, чем нравится. Он стал вызывать Ларису на допросы, во время которых она плакала и говорила, что ей очень и очень тяжело сейчас. И сама предложила, что если Сергей хочет что-то узнать, то пусть он приходит к ней домой, где ей гораздо спокойнее. Что он и сделал.

Однажды пришел к ней с букетом роз и бутылкой шампанского. И сам себя ругал, потому что уже все узнал про убитого, который участвовал в каких-то полулегальных сделках по продаже земельных участков, обманывал своих партнеров и был должен всем, включая собственных подчиненных.

А Лариса повторяла как заведенная: «Пал Ефимович был добрейшим человеком. Мы собирались пожениться, когда его дочка достигнет совершеннолетия. Всего полгода оставалось».

Она словно и не знала, что дочь ее любовника уже сходила замуж и находилась под следствием за нанесение тяжких телесных своей бывшей свекрови.

Но он пришел к ней, и они пили шампанское, потом Ларочка вспомнила, что у нее уже давно где-то есть бутылочка виски «Чивас регал»...

Так они стали жить вместе.

Со съемной квартирой пришлось расстаться, она переехала к нему в квартиру его родителей, потому что накануне отец перебрался к сестре.

Жили тяжело. Жили на его зарплату и на деньги, что присылала ей мама, продававшая свежешеловленных раков на трассе Ростов – Таганрог. Сколько присылала теща, Ерохин не знал, потому что Лариса тратила эти деньги на свою одежду...

И вот теперь она упорхнула вечером, а он сидит один за пустым столом, голодный и немного злой. В морозильной камере холодильника отыскивались пельмени. Сергей достал и поставил на огонь кастрюлю с водой.

И как раз, когда вода начала кипеть, раздался звонок.

– У нас убийство, – услышал Ерохин.

– Я-то при чем? Есть дежурная бригада – они пускай и работают.

– Вице-президента банка «Зебест» замочили, так что туда наверняка спецы из главка подскочат, но это наша территория. Просто чтобы потом не говорили...

– Ладно, называй адрес.

Спецы из главка были уже на месте.

Ерохин подошел к ним, чтобы послушать, о чем они там толкуют. Искли какой-то автомобиль.

– Машина наверняка в соседнем дворе, – вмешался в их разговор Сергей, – тут везде камеры понатыканы и улица под наблюдением. Где-нибудь рядом его ждал сообщник, хотя мне

кажется, что нет смысла уезжать. Покрутится по дворам, поймет, что «хвоста» нет, и нырнет в какую-нибудь квартирку, снятую заранее.

Его попросили не мешать следствию и самому делать что хочет, раз такой умный. Тут же стоял полковник Коптев, который повторил все эти советы в более резких выражениях, добавив к этому, что таких беспомощных подчиненных у него отродясь не было.

Ерохин пошел – не по указанному адресу, разумеется, а в соседний двор и первым, кого он увидел, был Калоша.

– Ты что здесь делаешь? – удивился Сергей. – Вроде дворничаешь по другому адресу?

– Да так, случайно. Тут-то дома богатые, и жители очень часто выбрасывают вполне приличные вещи. Я, например, модную кожаную куртку отхватил – фирма «Рокко барокко». Там только на рукаве дырка, видать, кто-то на гвоздь напоролся, ну и выбросил. Хотя они не выбрасывают, а рядом на заборе вывешивают для таких, как я. Добрые люди здесь живут. Вот я и притащился, мало ли опять что-то годное...

– Ну и...

– Ничего не было. Я уже решил уйти, сел на скамеечку перекурить, а как раз смеркаться начало. Гляжу: мужик к помойке направляется с пакетом. Но он развешивать ничего не стал, а бросил в контейнер и ушел. Я подошел и достал. А там куртень спортивный с капюшоном и шапочка такая с дырками для глаз.

– Все?

Калоша помялся.

– Ну, там еще шпалер... в смысле, волина. Я все это прихватил, хотел уже домой. А тут две бабки встретились, и одна другой кричит, что по соседству мужчину застрелили. Ну, я и пошел сюда... Вдруг вы здесь.

– А вещи-то где?

– А я под скамеечку зашхерил. Вдруг тормознут и спросят, что у тебя в пакетике.

– Правильно.

– Только это не все. Я этого мужика вроде как опознал. Он как раз в моем доме квартирку снял. Неделю где-то назад. Он – не он: уверять не буду. Но уж больно удобно получается. Если отсюда по прямой пехом – то минут двадцать до моего двора. И только одну улицу переходить надо. А тут вечер, дворы не освещенные... Очень удобно.

Они пошли к той самой скамеечке возле помойки.

Пакет лежал там, где его оставил Калошин.

Ерохин проверил содержимое и сказал:

– Сейчас идем к моей машине и к твоему подвальчику с ветерком подъедем.

Они поднимались по лестнице, и, не доходя четвертого этажа, Калоша остановился передохнуть.

– Надо курить бросать, а то совсем легкие ни к черту. Буду с ним через дверь говорить, голос дрогнет, он и подумает, будто я волнуюсь от напряжения.

– Это верно, – согласился Сергей, – курить вредно, а то он еще пальнет через дверь – затянуться не успеешь.

Подойдя к квартире, прислушались к звукам за дверью. Но в квартире было тихо. Тогда Ерохин нажал кнопку звонка. Потом еще раз. Но внутри по-прежнему стояла тишина.

– Ну, сколько еще сюда ходить?! – громко возмутился Ерохин. – Всего-то делов: счетчик проверить, а столько времени терять! Второй раз сюда приходим. Слышь, дворник, может, там и не живет никто. Вызовем участкового и вскроем, может, там бабулька уже того...

– Не, – так же громко отозвался Калошин, – кто-то там должен быть: пустых квартир в доме нет.

И сам позвонил.

– Кто там? – прозвучал за дверью мужской голос.

– Ну, наконец-то! – обрадовался Сергей.

– Это дворник, который в подвальчике живет, – отозвался Калоша, – со мной инспектор из Ленэнерго счетчики проверить и перерасчет сделать по новому тарифу.

– В другой раз. Я занят, – прозвучал голос за дверью.

– Да занимайся ты чем хочешь: хоть деньги печатай, – крикнул Сергей. – Нам твои дела до лампочки. Сверим показания и уйдем. Три минуты на все про все.

Дверь открылась.

– Вот так-то лучше, – произнес Ерохин, переступая через порог, – показывайте, где у вас счетчик.

Мужчина обернулся, ища глазами, и в этот момент Сергей ударил. От плеча, коротко, но подготовленным кулаком.

Киллер рухнул на пол, попытался вскочить, но на него уже насел Ерохин, заламывая ему руки за спину.

– Короче, слушай сюда и отвечай. Кто тебе Тушкина заказал?

– Какого Тушкина? Вы чё, мужики, в чужой дом врываетесь и беспредел устраиваете?!

– Да это ты банкира Тушкина завалил час назад! – сказал Ерохин. – Я тебя по приметам опознал.

– Какие приметы? Да я целый день дома. Вы чего?

– Тебя видели несколько свидетелей и опознают в любом случае. Куртка, маска, оружие убийства – все, что в мусорный контейнер скинул, у меня. На куртке и маске твои потожировые следы, а на пистолете и на патронах – твои отпечатки.

– Нет там никаких отпечатков.

– Если нет, то в любом случае будут. Эксперты постараются. Но мне все равно. Я тебя отпущу, если назовешь заказчика.

Мужчина молчал.

– Ладно, – согласился Сергей, – можешь не отвечать. Мне на тебе сидеть верхом не очень-то приятно: меня дома жена ждет. Я тебя сейчас сдам, и отвезут тебя на Арсенальную. И теперь думай сам: доживешь ли в «Крестах» до утра. А так – шепнешь мне имя, я проверю; если не врешь, то иди на все четыре. Успеешь еще получить свой гонорар.

Мужчина продолжал молчать.

Сергей достал телефон и спросил:

– Так я звоню?

И начал набирать номер.

– погоди! – выдохнул мужчина. – Какой резон тебе меня отпускать? Тебе же орден за меня могут дать.

– Дадут, – согласился Ерохин, – капитана наконец присвоят и денежную премию выпишут. Но как не было у меня квартиры, так и не будет. А ты со мной авансом поделишься. Ведь поделишься? Сколько тебе за Тушкина обещали?

Мужчина молчал.

– Чего такой застенчивый? Может, только сейчас понял, что мало просил?

– Обещали десятку бакинских, но я попросил тридцатку и половину вперед.

– Вот и хорошо, что ты такой принципиальный. Аванс мне, а другую половину тебе. Ведь это по-братски? Ты уже сообщил, что дело сделано?

Киллер кивнул молча.

– Не слышу, – крикнул Сергей.

– Доложил.

– Где аппарат?

– Избавился от него. Симку вытащил и на зажигалку ее, а аппарат разбил по дороге неподалеку и в урну выбросил.

– Номер телефона заказчика помнишь?

– Ну, так... Но все равно у него мобила тоже приобретена на один только звонок. Слушай, отпусти меня... То есть с пола подними. Я просто на полу могу посидеть спиной к тебе, чтобы ты ничего не боялся.

– А чего мне бояться? – рассмеялся Ерохин. – Где деньги прячешь?

– В газовой плите в духовке под поддоном.

Сергей посмотрел на бомжа, который прижался к стене, не решаясь уйти.

– Калоша, пошукай там в плите и принеси сюда.

Дворник поспешил на кухню.

– Как заказчика зовут и как выглядит?

– Я его всего один раз видел, когда он мне аванс передавал и наводку на банкира. Где и когда бывает этот банкир, сказал, что он к девочке своей по средам приезжает обычно в восемь вечера и до двенадцати остается у нее. Обычно с охраной, но в этот раз будет без шестерки и сам машину поведет.

– Заказчик твой из банковских?

– Нет, он посредник только. А тот, кто заказал, наверное, из банка. Я слышал... Вернее, видел, как Гарик... ну, заказчик, к нему обращался. Он отошел в сторону, чтобы я разговора не слышал, и смотрел, чтобы я не подошел. Расстояние шагов десять было. Но я по губам читать умею. Не так чтобы очень, но понимаю. Меня мать научила – она глухая с детства была.

– Он обращался к заказчику? Как он банковского называл?

– Рома или Роба. А, может, и Роза. Ну как-то так. Слушай, отпусти, а то у меня уже спину свело.

Ерохин поднялся, достал из кармана пистолет и отошел.

Киллер с трудом поднялся и шагнул к креслу. В этот момент в комнату вернулся Калошин.

– Там две пачки сотенных. Одна неполная.

– Дай их мне! – приказал Сергей и опустил руку с пистолетом.

И в этот момент киллер прыгнул на него. Сбил с ног, пытался сесть сверху, схватил Ерохина за запястье руки, в которой тот держал пистолет.

– Калоша, чего уставился, – крикнул Сергей, – помоги!

Но дворник уже и сам подскочил, попытался ударить киллера ногой, сначала это у него получилось, а второй удар не прошел, киллер подставил локоть, и Калошин упал. Но зато Сергей смог вывернуть руку и выстрелить. Киллер повалился на него.

Ерохин поднялся и помог встать дворнику, после чего достал телефон, позвонил коллегам, назвал адрес и попросил выслать медицинскую бригаду. Сказал, что киллер оказал сопротивление, а потом сделал попытку застрелиться.

Он закончил разговор и наклонился к хрипящему киллеру.

– Как он? – тихо спросил Калошин.

– Плохо. Пуля пробила селезенку и ушла вверх. Пяти минут не проживет.

Киллер застонал и затих.

– Того самого, – шепотом подытожил дворник и спросил: – А с деньгами что делать будем?

– Сотку оставь себе – заработал. Хотя возьми две соточки. И уходи. Тебя здесь не было. А то потом затаскают.

– Так это... Может, вам большую пачку, а мне маленькую.

– А как мне потом доказывать, что он – наемный убийца? А так: вот пистолет, вот маска, вот гонорар.

– Я триста возьму. Стол сегодня накрою и вообще телевизор хочу купить.

Калошин положил пачки на кресло и быстро удалился.

Через несколько минут квартира уже была заполнена. Прилетел, разумеется, и полковник Коптев, который тут же набросился на подчиненного.

– Мы только след взяли, а ты все загубил! – орал он. – Мы за киллером шли, чтобы заказчика взять, а теперь... Завтра же с утра мне докладную и рапорт...

– Утомонись, Рома, – сказал ему полковник из главка, – по какому такому следу ты шел, если до сих пор еще свидетелей не нашли. Твой парень без оружия пришел к преступнику... Но уж как сложилось, так и сложилось. Что делать? Всякое бывает. А киллер все равно заказчика не сдал бы. Он, может, и не знаком с ним.

– Я бы его лично допросил, и он бы сразу раскололся.

Коптев посмотрел на Сергея.

– Эти пачки с баксами ты у него забрал? Здесь все?

Ерохин кивнул.

– А теперь покажи, что у тебя в карманах! Если хоть цент там обнаружу!

– Утомонись! – повторил полковник из главка и посмотрел на Ерохина. – Если задумаешь в горотдел перейти, то мы... Кстати, как получилось, что ты пришел без оружия... Или у тебя был все-таки ствол? Признайся.

– Откуда, – развел руки в стороны Ерохин, – я дома сидел, когда мне позвонили, в оружейную комнату просто не успел зайти. Получил информацию и помчался проверять. Попытался скрутить подозреваемого, а у того был пистолет. И в процессе схватки прозвучал выстрел...

Городской начальник задумался, а потом кивнул молча. Еще раз пожал Сергею руку и напомнил про горотдел. Посмотрел на Коптева.

– Какой еще горотдел! – возмутился тот. – У нас работать некому, оперов не хватает... Следователи – девчонки после школы полиции. Лично самому приходится во все вникать. Времени ни на что другое не остается.

В горотдел Ерохин не перешел.

Сначала его отметили в приказе по городу. Но потом ему влепил выговор уже непосредственный начальник за непрофессиональное исполнение своих обязанностей, приведшее к развалу дела. Но это было через пару дней, а тогда полночи он писал отчет.

Вернулся домой под утро. Ларисы дома не было. Позвонила лишь в восемь утра, сказала, что забыла дома ключ, стояла под дверью несколько часов, а потому пришлось ехать ночевать к подруге.

Сергей поверил, потому что это было похоже на правду и потому, что он любил жену.

Дело, разумеется, было закрыто. А когда Ерохин попросил следаков из Следственного комитета проверить персонал банка «Зебест», чтобы выяснить, есть ли среди них сотрудник с именем Роман, ему было отказано.

А среди его личных знакомых был только один человек с таким именем – полковник Коптев.

Глава четвертая

Ужинали с Ниной на кухне.

Сергей молчал, а если тетка и обращалась к нему, отвечал невпопад. Он размышлял теперь о том, что следует предпринять.

Есть два трупа, один из которых наверняка всплыл и уже обнаружен, и обнаружен, весьма вероятно, не там, где его сбросили в Малую Неву.

Течение отнесло тело, может, на сто метров, а, может, и на все двести. И теперь следователи гадают, кто это, где и когда он был убит, а потом где затоплен.

Вполне возможно, личность удастся установить. Но о том, что в деле замешан автомобиль, стоящий на балансе банка «Зебест», не узнает никто.

Кстати, действующий полковник Коптев, ставший теперь начальником районного управления, – один из учредителей охрannого предприятия «Сфера», которое, помимо того, что охраняет универсамы, торгово-развлекательные комплексы, имеет договор и с этим банком.

– У тебя есть кто-то? – спросила тетка.

– В каком смысле?

– В прямом! – не выдержала тетка. – У тебя есть девушка или женщина?

– Нет вроде, – ответил Ерохин.

– А как ты тогда дальше жить собираешься? Вот твой отец так же, когда Лиза вас бросила, тоже маялся... Маялся, никого не заводил, хотя такой интересный мужчина был. А потом и вовсе запил. Я своей однокласснице тогда говорю: «Двенадцать лет – не разница...»

– Прости, – перебил Нину Ерохин, – у меня весь день крутится в голове песенка одна. Откуда я ее знаю, не могу вспомнить. Может, ты мне ее в детстве пела. «Лунная дорожка, добрый мягкий свет. Никого дороже, лучше мамы нет. И по всей квартире блески серебра. Сколько в нашем мире счастья и добра».

– Не знаю я такой песни, – ответила Нина, разозленная, что он ушел от важного разговора, – я тебе про елочку пела и про усталые игрушки. И Лиза точно не пела. Она вообще...

– Через пару дней студент с моей квартиры съедет, я вернусь к себе и сразу заведу девушку, – пообещал Ерохин, – ты не переживай.

Мама бросила их, когда ему еще не было семи. Она даже в первый класс его не отводила. Вели отец и Нина. Мама за год до этого устроилась на работу в совместное предприятие, о чем тогда в стране мечтали многие. И почти сразу у нее возник роман с одним из директоров – пятидесятилетним американцем.

Вскоре мама переехала к нему, а потом уж родители развелись. А когда отец спросил свою неверную жену, зачем она бросает сына, ответила, что как раз для Сережки старается. Она уедет в Штаты и будет присылать им деньги, одежду, вкусную еду, потому что в Советском Союзе нет никакой.

Она и в самом деле присылала посылки, которые отец называл гуманитарной помощью.

Сережа ходил в дорогих джинсах, кроссовках, за что его любили девочки и ненавидели одноклассники. Что-то мама присылала и отцу, но он все отдавал кому-то из друзей, уверяя, что ему не подходит ни по размеру, ни по фасону.

Мама еще звонила, пыталась разговаривать с сыном. Поначалу Сережка слушал ее вранье о том, что она очень скучает и скоро приедет, а потом перестал подходить к телефону. Мама присылала посылки и Нине, а сыну все те же джинсы или все те же кроссовки и рубашки с маечками. А когда отец попал под машину, позвонила на мобильный сына, узнав номер, скорее всего, у Нины, и сказала, что очень сожалеет.

– Все из-за тебя! Ничего не присылай мне больше, – ответил тогда Ерохин и сбросил вызов, чтобы не слышать ее голос.

Воспоминания не приносили ничего, кроме обиды.

Но, с другой стороны, у Сергея в Штатах было четыре сестры, и все они уже были замужем. Наверняка у них были уже свои дети – его племянники и племянницы, а, значит, у всех американских родственников дела шли хорошо...

– Мой совет, – произнесла тетка, – выбирай такую, чтобы без претензий. Можно даже с ребенком: такая лишней раз никуда не убежит. Ты на службе: не бросать же ребенка одного.

– Я, кстати, сегодня уволился, – объявил Сергей, – душно там чего-то стало. Да и вообще я опер, а не охранник.

– Так, может, сейчас какие-то частные структуры есть? – предположила Нина. – Туда обратиться, раз обратно в полицию не берут. У тебя опыт и желание. Главное – опыт, конечно. Если есть такие агентства...

– Есть, – подтвердил Ерохин, – я в такое сразу, как уволился, пошел наниматься. Агентство «ВЕРА». Очень известное, и начальница у них опытным следом была. Но была, как говорится, да сплыла. Теперь это не что иное, как модельное агентство.

– Так будешь ходить по подиуму. Ходишь туда-сюда и деньги получаешь.

– Я не в том смысле. Просто они там все прилизанные какие-то.

Тетка рассмеялась:

– Так и я пошутила.

Сергей задумался, стоит ли рассказывать, и продолжил:

– Я пришел к этой Бережной к назначенному времени. Она на полчаса опоздала, а потом появилась – такая вся из себя разэтакая. Разодетая, как с обложки. С сумочкой. В кабинетик проскакивает и мне говорит: «Подождите секундочку». И все с такой улыбочкой.

– Симпатичная хоть?

– Да не в этом дело. Она в кабинетик свой заскочила, а я смотрю: один мой знакомый в коридоре из своего кабинета появляется. Не то что хороший знакомый, но пересекались мы как-то раза два. Знаю, что зовут его Иваном, он в ОМОНе служил. Здоровый парень. А тут он в костюмчике при галстуке. Опер, называется! Узнал он меня, подошел, руку протягивает, улыбается. «К нам, что ли, наниматься пришел? Ну, давай, конечно, если возьмет она тебя. У нас тут работы выше крыши». И кто бы мне это говорил – офисный хомячок в костюме. А бойцом он был классным. Так вот приглашает меня в кабинет свой эта самая их начальница. Усаживаюсь за стол, а перед моим носом на столешнице лежит на боку сумочка «Луи Виттон». Жена моя бывшая о таких мечтала. Даже матери в Америку звонила – просила выслать.

– Выслала? – поинтересовалась Нина.

– Выслала. Но не в том дело. Сумочка открыта, я краем глаза вижу, что в сумочке пистолетик, духи какие-то, ключи от машины с брелоком «Ренжровер». И так во мне все закипело! Опера, блин! Следователи, мать их! Поднялся, говорю: «Простите, я, кажется, ошибся». А она мне: «Чего приходили?» Хотел объяснить, но только рукой махнул. А эта фифа Бережная вдруг заявляет: «А я вас помню: вы на Васильевском в убойном работали. Нам бы такого специалиста».

– И чего ты ей ответил?

– Да ничего. Послал их всех.

– Сережа, ты правду говоришь?

Ерохин кивнул.

– Так и сказал: «Пошли вы все!» И ушел. Вышел на крыльцо, а там припаркованы и «Ренжровер», и «БМВ»... а потом еще «Мерседес»-кабриолет подкатывает. А оттуда вылезает тоже бывший мент, который тоже в убойном, как и я, но в Приморском районе. Руку мне протягивает, счастливый такой. Я ему говорю: «Тебе не жирно тут?» Он не понимает, а я объясняю. Дескать, с трудов праведных не получишь палат каменных. И ушел пешком, потому что «девятка» моя ржавая в очередной раз в ремонте была.

– Какой-то ты злой сегодня, Сережа, – вздохнула тетка, – да и в последнее время тоже какой-то не такой. Найди себе девушку. Только прошу: скромную, без претензий.

– Ты уже говорила, – отмахнулся Ерохин и посмотрел на тетку. – Сама-то чего замуж не вышла: ты же вроде без претензий?

– А когда мне выходить? Я на втором курсе была, когда Лиза упорхнула. Я все время с тобой. С тобой ведь и погулять, и уроки приготовить, накормить, спать уложить. Времени даже на учебу не оставалось.

– А потом?

– Потом суп с котом. Не встретила достойного. А теперь уж и поздно.

– У меня есть на примете для тебя жених, – рассмеялся Сергей, – ему, правда, пятьдесят девять... Или пятьдесят восемь.

– Мне тоже не шипнацать. Чем он занимается?

– Вообще он бомж. Но особо не пьет, ловит рыбку, сдает на реализацию, подрабатывает дворником, потому что во время его отсидки бывшая жена продала его квартиру...

– Я думала: ты серьезно, – обиделась тетка.

– Я и в самом деле серьезно. Он – хороший мужик. Занимался бизнесом. Ему в оплату за поставки подсунили фальшивые векселя Минфина, хотя он носил их в банк для уточнения подлинности. Нарвался на мошенников. Но суд не принял во внимание смягчающие обстоятельства и назначил ему восемь лет, которые он отзвонил по полной. Тихий человек, работающий, образованный.

– Я, пожалуй, подумаю.

– Что я! – хлопнул себя по лбу Ерохин. – Он же сегодня в теплые края отправился на ПМЖ. А других мужиков у меня нет таких же положительных. Все остальные мои знакомые – тусовщики.

Сергей вспомнил Калошу, все, что тот рассказал, и то, что увидел сегодня в подвальчике.

Он поднялся из-за стола, сказал Нине, что хочет посмотреть телевизор. Закрыв за собой дверь в комнату, расположился в кресле и, когда загорелся экран, достал из кармана банковскую карту, переданную ему Калошиным, и начал ее разглядывать.

По виду вполне обычная. Неужели из-за нее убили человека, труп которого выловил бомж? А потом не ее ли искали в сапожной мастерской?

– Нина! – позвал Сергей, а когда тетка вошла, спросил: – У тебя ведь финансовое образование, и в банке ты работала, стало быть, в кредитках разбираешься?

И протянул ей карту.

– Во-первых, это не кредитка, а дебетовая карта, – объяснила тетка. – Не простая, а платиновая. Корпоративная. Некая западная компания, судя по всему, загнала туда деньги, скорее всего, под инвестиционный проект или получает свои проценты. Сумма может быть значительной, хотя это не обязательно. Платиновая карта дает некоторые привилегии: например, в аэропорту пользоваться ВИП-залом, скидки на авиабилеты, возврат купленных товаров, если товар с карты был оплачен, а потом его украли в течение суток. Кэшбек на приобретение товаров в магазинах-партнерах может быть больше, чем у держателей других карт. Но годовое обслуживание такой карты дорогое: долларов пятьсот или больше в зависимости от банка.

– А про этот «Лоял» слышала что-нибудь?

– Не помню точно, – пожала плечами тетка, – но кажется, это где-то на Карибах или на Багамах. Швейцарские фонды через него деньги пропускают, чтобы сэкономить на налогах. Но я не уверена. Откуда она у тебя?

– На хранение оставили.

Такой ответ Нину вполне удовлетворил, и она села на диван, чтобы тоже насладиться общением с телевизионным экраном.

Ерохин предложил свое кресло, а сам направился к выходу. Открывая входную дверь, услышал, как тетка крикнула ему вслед:

– Ты куда?

– С девушкой знакомиться.

Что касается девушек, то у Ерохина с этим были некоторые проблемы. То есть проблем не было, как и у девушек.

Не то что он опасался женского пола, как раз наоборот, – просто считал, что никому он не нужен такой: тридцатисемилетний, неприкаянный и нищий.

Даже работы у него не было постоянной. Был когда-то ментом, но это не самая престижная профессия. После того как поперли из полиции, устроился водителем-охранником к одному бизнесмену. Возил его на работу и обратно, на разные деловые встречи и в сауну. Иногда возил по бутикам жену бизнесмена, которая таскала водителя по торговым залам, набирала разной одежды, а потом примеряла все в кабинках, выскакивая, чтобы продемонстрировать все Сергею... «Как вам это?... А вот такое платьице?..»

Это бесило, а потому Ерохин одобрял все и в результате всегда был виноват во всех ее необдуманных решениях. Приходилось ездить и сдавать кое-что обратно.

Так длилось почти год, пока жена бизнесмена не утащила лежавшие в стеллаже в прихожей ключи от «Ренжровера», чтобы самой куда-то отправиться.

Далеко уехать не смогла, при выезде со двора нажала на педаль газа, вылетела на улицу и ударила в бок проезжавший мимо «Бентли», за рулем которого сидела такая же курица, как и она сама.

Примчался хозяин, тут же обвинил во всем Сергея, сказав, что в договоре был пункт, по которому водитель обязуется не передавать ключи от машины посторонним лицам.

«Ну, если ваша жена – постороннее вам лицо, то вы правы», – отреагировал Ерохин.

Но рядом стояла виновница происшествия с расцарапанным лицом. А в «Бентли» на плече другого бизнесмена рыдала от злости блондинка с фиолетовым фингалом под глазом.

Хозяин посмотрел на жену, потом на другую участницу ДТП, на ее худосочного мужа и кивнул своему водителю:

– Ты уволен.

Но платил он неплохо, а потому последующие месяцы три, пока были деньги, Ерохин подыскивал себе приличную работу, но ничего не получалось.

В результате стал заведовать автоматическими мойками, вернее, получать деньги с операторов. Но те пытались зажать часть выручки.

Однажды пытались даже напасть на него возле дома. Трое выскочили из темноты, и Ерохин с трудом, но отбил. Потом сотрудники сговорились и составили на него коллективную жалобу, обвиняя в вымогательствах, и требовали его наказания, угрожая коллективным увольнением.

Руководство долго размышляло, но все же попросило Сергея остаться, потому что за время его работы выручка увеличилась. Но он ушел сам, понимая, что за первым нападением будет и следующее – наверняка более подготовленное и серьезное.

Потом позвали руководить службой безопасности финансовой компании, но компания оказалась типичной пирамидой, и он ушел сам.

Полгода трудился вышибалой в ночном клубе. Потом страховым агентом, но быстро ушел оттуда. После чего оказался в охранном предприятии «Сфера», из которого его теперь поперли.

За все эти годы нельзя сказать, что у него не было любовных связей.

Сначала бывшая сокурсница по юридическому, которая прибегала к нему после работы и редко оставалась на ночь. Как потом выяснилось, у нее был и муж, и другой любовник.

В пирамиде сошелся с коллегой, которая организовывала массовое веселье клиентов, подписавших договоры.

Но связь с ней продлилась недолго – всего два раза встретились, один раз после корпоратива, а второй раз по глупости, когда она просила ее подвезти.

Вот когда работал вышибалой, то там приходилось даже отбиваться от желающих провести с ним вечер и ночь... Что и случалось периодически. И почти каждый раз очередная любительница ночной жизни, открывая глаза и видя убогую обстановку его квартирки, шептала: «Господи, как низко я пала...»

Правда, когда только развелся, еще работая в убойном, стал иногда посещать питейные заведения. Потому что если квасить дома, то это алкоголизм, а если в баре, то это проведение культурного досуга.

В очередной раз, когда он сидел в таком заведении, попивая дешевый разбавленный виски, увидел компанию девушек: было их пять или шесть.

Девочки что-то отмечали, веселились, произносили тосты и смеялись. Но он особо их и не разглядывал, потому что уже плохо видел – все расплывалось перед глазами, и желание было одно: скорее уйти отсюда. Голова кружилась, а он сидел и о чем-то переговаривался с барменом. И вдруг раздались крики, потому что к компании девочек подошли трое парней, расположились за их столиками и даже потанцевали с кем-то, а потом стали грубо прихватывать и что-то требовать.

Одна из девушек подскочила к стойке и попросила вызвать полицию.

Бармен ответил, что тревожная кнопка не работает, дескать, разбирайтесь сами.

К девушке подскочил парень, схватил за руку, и той ничего не оставалось, как закричать: «Полиция!»...

– Полиция уже здесь! – еле выговорил Ерохин и достал служебное удостоверение.

И тут же ему прилетело.

Сергей еще не отошел от первого удара, как получил второй. Ноги не удержали его, и он полетел на барные стульчики, сметая их в процессе своего полета.

Драка была долгой. Девочки спрятались за стойкой и взвизгивали от ужаса.

Последнего противника Ерохин добивал уже на улице, когда тот попытался выбраться. Двое остались лежать в разгромленном зале. Девушки выскочили и бросились прочь, только одна подошла и поблагодарила.

Ерохин кивнул в ответ, а голова его гудела как чугунный колокол.

– У вас все лицо разбито, – тихо произнесла девушка.

Он снова кивнул, потому что знал это, кровь из рассеченной брови заливала распухший глаз. Были разбиты губы, саднило скулу и челюсть.

– Как вы решились против троих? – спросила она. – Они такие накачанные.

Он пожал плечами.

– И куда теперь? – продолжала допрашивать девушка.

Он снова пожал плечами и наконец выговорил:

– Домой на Васильевский.

– Так это через весь город. В метро не пустят, да и ни один таксист вас такого не возьмет. Давайте пойдем ко мне, умоетесь, в себя придете и тогда поедете...

Он не запомнил ее адреса, хотя память у него должна была быть профессиональной. Помнил, как она смачивала его раны какой-то влажной салфеткой, потом они пили кофе, о чем-то говорили. Он начал клевать носом и пришел в себя только ночью в постели.

Рядом в темноте лежала девушка.

Сергей почти протрезвел, голова еще немного гудела, и вдруг ему захотелось выговориться... Начал что-то говорить, рассказывал про свою работу, про жену, которая его бросила и которая изменяла ему постоянно, а он об этом не знал, не догадывался даже, а, когда на это

намекали ее подружки, просто уходил, чтобы не ссориться с ними и с Ларисой. Он рассказывал и вдруг почувствовал, что она гладит его по плечу, успокаивая, взглянул на ее лицо, подумал, что показалось, и потрогал ладонью ее щеки: девушка тихо плакала. И тогда он приблизился к ней...

Он не запомнил адреса, а может, и не хотел запоминать. Он даже не помнил ее лица...

Потому что сначала был пьян в дупель, а потом была крошечная мгла, в которой не было ничего, кроме ее голоса и тихих стонов...

Не помнил ее совсем, только в тумане памяти растворялась худенькая фигурка, тихий голос, светлые волосы и совсем мягкие губы. Он ушел утром до рассвета, даже не пытаясь заснуть.

Выбрался из кровати, сняв со своей груди ее руку, оделся и, держа в руках кроссовки, осторожно вышел на лестничную площадку, там обулся и спустился вниз, не вызывая лифта, чтобы ее не разбудить.

Так и не узнав, на каком этаже он был, на седьмом или на девятом, но ему казалось, что он спускается с неба.

Он не мог представить ее лица, и даже имя не мог вспомнить.

Сначала ему казалось, что ее звали Лида, потом почему-то вспоминал о ней как о Люде. Даже собирался вернуться. Адрес не важен – он отыскал бы... Опер как-никак.

Но как раз в этот день все и завертелось. Не надо было ехать на службу, а он рванул как раз туда, потому что, заехав домой, чтобы сменить окровавленную куртку и брюки, наверняка опоздал бы к привычным для себя восьми тридцати.

Приехал и попал под раздачу.

Отговориться, объяснить, что попал в аварию, было невозможно, потому что дежурная служба уже знала все.

Дело в том, что он обронил в том треклятом баре удостоверение, и теперь история выглядела так, будто перебравший сверх меры оперативный сотрудник напал на троих молодых людей без всякой причины и зверски избил их, в результате чего все трое оказались в больнице.

Даже полковник Коптев по такому событию прибыл на службу к девяти часам, а не к одиннадцати, как обычно.

Начали служебное расследование.

Свидетелей не было, разве что бармен, который сказал, что ничего не видел. Якобы вышел в туалет, вернулся, а в зале уже драка. Едва не возбудили уголовное дело, но главк не позволил.

Естественно, его вызвали в городское управление. Сначала ругали, потом журили, затем покачали головами и сказали, что им жаль терять такого перспективного сотрудника.

– Зачем в драку ввязался? – спросил генерал.

– Так они к девушкам пристали, те звали на помощь, – ответил Ерохин, – я же писал в объяснительной.

– Поговорил бы с ними, в конце концов, вызвал бы наряд.

– Не успел, они стали сразу молотить.

– Ладно, – сказал генерал, – повезло тебе, считай, – все трое мастера по вольной борьбе – на соревнованиях здесь были. Ну, все равно пострадал ты за дело. Короче, если нужна будет работа по специальности, обратиться в агентство «ВЕРА» к Бережной, если слышал про такую. У них, по слухам, хорошо дела идут, и оклады не в пример нашим.

Странно было слышать про мизерные полицейские оклады от генерала, Ерохин не придал тогда этому значения.

К никакой Бережной он, естественно, сразу не поехал. Была мысль отыскать Лиду-Люду, но все завертелось так стремительно.

Развод, увольнение. Потом, после очередной пьянки, вспомнил телефон бывшей сокурсницы и пригласил к себе. Вызвал просто поговорить, но та просто так говорить не умела и как-то все это затянулось.

А потом уже ехать к той девушке не было смелости, словно он предал ее, предал память о той ночи, когда почти освободился от всего того, что его мучило и заставляло страдать.

К Бережной он съездил потом, конечно, но выскочил из ее офиса как ошпаренный, увидев то, что, по его убеждениям, никак не походило на пропотевшие ментовские будни...

И вот теперь в субботний вечер он сидит на скамеечке неподалеку от своего бывшего отдела. Видит светящиеся окна дежурки, окна кабинета дежурного следователя, окна своего отдела. Во дворе стоят служебные машины и еще иномарки, судя по всему, машины сотрудников.

Неожиданно захотелось вернуться сейчас туда, встретиться со старыми друзьями, от которых когда-то отказался сам, а они и не звонят теперь.

Можно просто открыть дверь, войти, обнять всех и объявить: «Вот я и вернулся!» Но, во-первых, это вряд ли кого обрадует. Его забыли давно, а те, кто и остался на службе, наверняка ушли на повышение, а новые люди не знают его и отмахнутся, как от назойливой мухи.

Надо что-то делать. Необходимо самому узнать, кто застрелил Акопа, и сотрудника ГИБДД, за что все-таки убили молодого человека, тело которого сбросили с причала брошенного и разрушенного судоремонтного заводика. Надо этим делом заняться. Может, и жизнь станет тогда осмысленнее и спокойнее.

Ерохин поднялся и направился в сторону своего дома, точнее, в сторону дома тетки: идти-то всего минут двадцать. Но, не пройдя и половины пути, он повернулся и через темные дворы побрел к домику, где в своем подвальчике обитал Калоша. Еще сегодня утром он проснулся у себя дома, потом туда пришел Акоп – так начался день, который обоим не принес ничего хорошего. Да и у самого Ерохина день не задался. Его уволили... А может, это и лучше, что уволили. Он мент, а не охранник.

Вход в мастерскую сапожника был огорожен желтой лентой, дверь была закрыта и опечатана. Делать тут было нечего.

Сергей пошел вдоль дома, и сразу наткнулся на ту самую женщину, которую уже видел здесь сразу после того, как обнаружил убитого Акопа.

Похоже, и она его узнала. Поймав его взгляд, отшатнулась.

– А что здесь произошло? – спросил он весело, как будто только что размышлял о чем-то очень смешном.

– Так это... убили тут армянина, который обувь всему дому ремонтировал. Так вы же...

– Так я же ему обувь в ремонт сдал. Я приходил утром – закрыто было... Сейчас гляжу: ленточка. А кто убил-то? Нашли убийцу?

– Так сбежал он. Искать-то будут и найдут.

– Так кого искать?

– Да Лешу, который здесь жил. Дворник. Тихий такой с виду, а вон каким оказался. Он ведь уголовник, как только теперь выяснилось, в тюрьме долго сидел. А мы-то ему доверяли. Что-то с Акопом, видать, не поделили. И он его прикончил.

– Ужас, – покачал головой Ерохин, – а как мне ботинки свои получить? Дорогая обувь. «Оксфорд» называется. Светло-бежевые такие.

– Я уж не знаю. Вам теперь в полицию надо... А знаете что? Обратитесь-ка лучше к нашему участковому.

– Кто у вас теперь?

– Тот же, что и был. Он лет двадцать на участке.

– Тарасенко, что ли? А разве он не на пенсии?

– А что ему на пенсии делать? У нас тут место тихое. За пять лет в нашем доме всего второе убийство. Да как-то и не верится, что Леша это сделал, но ведь он в тюрьме сидел.

– Да он не за убийство сидел, – произнес Ерохин, – я сам из полиции, знаю точно. Он ведь известным бизнесменом был. Но ни особняков, ни яхт... Все для народа. Поставлял на строительство кольцевой дороги щебень и песок, а подрядчики и городские чиновники считались с ним фальшивыми векселями. Он пошел их в банк на деньги обменивать, там его и скрутили. Сделали нищим и в тюрьму на восемь лет. А чиновники эти теперь жируют на его деньги и радуются. Особняки себе строят, яхты покупают...

– Правда? – не поверила старушка.

– Истинный крест, – перекрестился Ерохин, – это я вам как оперативный сотрудник говорю. Прокуратура, судьи, адвокаты – все знали, что Калошин не виновен, а все равно упрятали.

– А может, и его теперь, как Акопа? – шепнула старушка.

Сергей пожал плечами.

А старушка его внимательно осматривала, потом махнула рукой и приблизилась, переходя на шепот:

– Ну, ты не очень-то на полицейского похож, скорее на милиционера, а потому я тебе вот что скажу. И пусть меня за такие слова тоже сажают. Революцию надо делать, можно даже без КПСС. Выберет народ нового Ленина... А лучше – такого, как Сталин, и всех этих чиновников к ногтю...

– Лучше к стенке.

– Можно и туда. Но сначала – отобрать у них то, что они нахапали. Яхты у них, говоришь. А мой дед – сорок шесть лет трудового стажа, все мечтает себе лодку надувную купить. А надувать-то ее уже нечем. Воздуха народу не хватает. А так выдадут ему реквизированную яхту Абрамовича – и лови себе рыбку на здоровье, большую и маленькую.

Глава пятая

Несмотря на выходной, участковый Тарасенко находился в помещении опорного пункта.

– О-о, – сказал он, увидев Ерохина, – сколько лет. Ты проходи. Я тут один, а одному сам знаешь... Слышал, что у меня на участке случилось сегодня?

– Местные жители уже просветили.

Участковый вышел из-за стола и пожал руку гостя.

– Твои коллеги с ходу решили это дело на Калошу повесить, но ты ведь знаешь, что он не из таких, чтобы вот так вот... И потом, откуда у него пистолет... Хотя по нынешним временам – это не проблема. Но он исчез – так что удобнее всего на него списать. Типа того, что дело раскрыто. Убийца выявлен, но скрылся от справедливого наказания. А его, может, и нет уже. Убили и вон в речку скинули – до нее, сам знаешь, полкилометра не будет. Тут, кстати, нашли одно тело. Молодой мужик лет тридцати – тридцати пяти. Со следами удушения. Ему удавку сзади накиннули и того самого – затянули.

Участковый вернулся к столу, за которым сидел, и показал рукой гостю на второй стул.

– Присаживайся. Давно с приятным человеком не общался.

– Что-нибудь выяснили про утопленника? – спросил Ерохин.

– Его дактилоскопировали. Районный эксперт Сафонов приезжал. Подполковник уже. А раньше был просто Юрка. Смотрит на тело и восхищается: дескать, какой красавчик, а даже мне смотреть на утопленника противно. Он дней десять в воде пролежал. Если бы груз к нему привязали, вообще бы не нашли.

– Вывод? – спросил Ерохин.

– В каком смысле? – не понял участковый.

– Раз груз не привязали, значит, не профессионалы. Убит где-то неподалеку. Скорее всего, в машине. Он сидел на переднем пассажирском, а кто-то сзади накиннул, и все. Водитель помог. Чтобы не ехать с трупом, тут же от него избавились. А груз не привязали, потому что таким образом прежде не избавлялись от тел. Но убивали до этого точно. Так что тебя трясти будут на предмет проживающих на твоей территории уголовников, рецидивистов, отбывавших срок по сто пятой.

– Упаси боже, это мне надо будет всех проверять: кто, где и когда находился. Но ведь ясно, что глухарь дело. И с сапожником – тоже глухо. Ты с ним, кстати, был знаком?

– Я у него ботинки купил. Деньги отдал, обещал зайти и забрать, а времени не было. Сегодня...

– Какие ботинки?

– Светло-бежевые, английские. Модель называется «Оксфорд».

– Точно были такие. Сколько заплатил?

– Десять тысяч.

– Не хило живешь. Туфельки за десять кусков носишь.

– Да это я к свадьбе готовлюсь. Не к своей, приятель пригласил.

– Жаль, а я уж решил, что ты женишься. Про твой первый брак меня тогда еще просветили. Мол, женился на красивой, а она такая оказалась... Пока муж на дежурствах да на оперативных мероприятиях...

– Проехали!

Участковый наклонился и достал из-под стола начатую бутылку водки. Потом выдвинул ящик и вынул из него открытую банку бычков в томате и четвертинку круглого черного хлеба.

– Давай Лешу Калошина помянем. Светлый был человек.

– Я вообще-то не пью вовсе. Но пригубить могу. Но только не за упокой, а за здоровье. Мы же не знаем, что с ним и где он. Калоша ведь человек тертый. Он ситуацию в полсекунды просекает. Сколько всего выстрелов было в подвале?

– Два, и все в Акопа.

– То есть две гильзы всего. И другой крови нет. Я думаю, что наш приятель Калошин в этот момент отсутствовал, а может, и видел автомобиль, поэтому не спешил, а когда услышал выстрелы, то и вовсе слинял. Где-то прячется сейчас.

– Дай бог, – сказал Тарасенко, наполняя две рюмки: себе – полную, а гостю до половины.

– За здоровье Калоши, – произнес Тарасенко и выпил залпом.

Сергей пригубил и поставил рюмку на стол.

– Во сколько убили Акопа?

– Эксперты сказали: от часу до двух.

– Тогда это точно не Калошин. Он в это время находился в кафе «Казимир». В моем обществе, кстати. Леша сдает туда рыбу, которую ловит, а я пил пиво. Сотрудники могут подтвердить. Обслуживала нас молоденькая официантка-брюнетка. Имени не знаю.

– Знакомое место. Жители прозвали это кафе «Козий мир», потому что там часто девчонки веселые собираются. Рядом ведь факультет педагогического. Но официантку эту я тоже знаю. Значит, и у Калоши, и у тебя алиби имеется. За это надо выпить.

Он поднес бутылку к рюмке, стоящей перед Ерохиным, хотя она и так была наполовину полна, и хотел долить туда водки.

– Ни-ни-ни, – дернулся Сергей, прикрывая рюмку ладонью.

– Тебе ботинки нужны? Выпьешь за мое здоровье, получишь их, а откажешься – будешь ходить босиком. Ключи-то от подвальчика у меня имеются. Откроем и закроем: делов-то! Печатью моей опечатаем.

Ерохин согласился, предупредив, что может позволить себе только одну рюмку, потому что у него аллергия.

Тарасенко не поверил и даже напомнил, за что вылетел из органов его гость. Причем напомнил с некоторым восхищением в голосе. Потом, отодвинув ладонь Сергея, налил ему рюмочку до самых краев и улыбнулся приветливо.

– Сейчас таких умельцев у нас нет, чтобы всю ночь бухать, а поутру с чистой головой брать вооруженных пьяных отморожков. Сейчас в твоём отделе какие-то пацаны прилизанные. Раскрываемость упала. Правда, и преступлений стало меньше. А помнишь, как в девяностые?.. Хотя откуда тебе помнить? Ладно, давай за Калошу, чтобы у него все в жизни склеилось...

– Выпьем и пойдем за моей обувью, – предложил Ерохин.

Участковый кивнул и уточнил:

– Только ты до дна, а то несолидно как-то получается.

Выпили, закусили бычками, после чего Сергей поднялся.

– Пойдем?

– Сейчас, – согласился Тарасенко, так и не сделав попытки выйти из-за стола, – только еще по рюмочке на ход ноги.

По дороге к подвальчику участковый делился новостями: кто ушел из отдела, кто вообще вылетел, как Ерохин, из органов, кто пошел на повышение...

Он остановился, словно вспомнив, что упустил самое главное:

– Коптев наш теперь...

– Про него я все знаю.

– Все даже ты знать не можешь. Недавно в главке прошло совещание по поводу усиления спортивной подготовки. Коптев и там на высоте оказался. Предложил создать команду по гольфу, чтобы выступать на российских и международных соревнованиях. Все в зале за животы схватились, так ржали, однако потом проголосовали единогласно, когда верхнее самое

начальство поддержало. Коптеву поручили собрать команду и стать ее тренером, потому что он сообщил, что у него имеется огромный опыт участия в частных турнирах. Ты представляешь?

Но на Ерохина эта новость не произвела особого впечатления.

– По моим данным, – уточнил он, – наш Коптев участвовал в турнире один раз после трехдневной пьянки с друзьями бизнесменами. Поехали в гольф-клуб и потребовали предоставить им клюшки. Их было семеро, наш дорогой Коптев с трудом прошел все лунки и в результате стал шестым. Седьмой участник прилег на поле и уснул. Потом они устроили авто-родео на электромобильчиках, которые возили за ними клюшки. Произошло массовое ДТП. Без жертв. Правда, тому, кто спал на газоне, переехали ногу.

– Я такого не слышал, – удивился Тарасенко.

– Так никто не слышал, потому что лично Коптев собрал всех сотрудников гольф-клуба и пообещал лично отрезать язык каждому, кто ляпнет что-то.

– Сведения точные?

– Более чем. Был у меня работодатель, у которого я одно время был водителем-охранником. Встретил его случайно на заправке: тот был злой, потому что сам в тот день с друзьями решил посетить гольф-клуб, но их не пустили, сказав, что частное мероприятие для очень крутых людей.

– Ему стало известно, кто эти крутые?

– Конечно. Сказал, что руководство банка «Зебест», охранного предприятия «Сфера» и действующий полковник полиции некто Коптев.

Тарасенко вздохнул:

– Вот ведь...

Помолчал и продолжил:

– Месяц назад у нас провели совещание с целью повышения уровня профессиональной подготовки участковых инспекторов. Коптев выступил с речью. Он сказал, что нам, помимо профилактической работы и бесед, надо настойчиво выявлять лиц, живущих не по средствам, потому что жизнь не по средствам – прямое указание на то, что подобная жизнь обеспечивается доходами, полученными преступным путем.

– Он прав, – согласился Ерохин.

Участковый ничего не ответил. Они подошли к подвальчику, Тарасенко сорвал ленту, спустился вниз и отпер дверь. Первым вошел внутрь и включил свет.

Ботинки теперь стояли не на полочке под портретом Ким Кардашьян, а на стойке. Они выглядели не ношенными, а совсем новыми: очевидно, Акоп провел предпродажную подготовку.

– Классные шнурки, – прозвучал голос участкового, который нашел что-то в обувной коробке. – Настоящая кожа. Для берцев отлично подойдет, а то на моих из просмоленной дратвы. Просмоленной, а все равно рвутся. А эти не сгниют никогда. Возьму-ка себе про запас. Акопу-то они уже не нужны.

Он вынул из коробки несколько пучков, а потом придвинул коробку Сергею.

– И ты себе подбери что-нибудь. А то на твоих ботиночках какие-то хлопковые. Хотя нет, хлопковые в России делают, а эти импортные из джута и конопли с силиконовой позолоченной ниткой. Ты будешь как педик в них выглядеть. Охота тебе?

Ерохин выбрал пару светло-коричневых и спрятал в карман.

– Больше возьми! – приказал участковый и посоветовал: – На всей обуви своей поменяй – практичная вещь. Я по шнуркам спец: до службы в армии почти год на фабрике отработал, где нитки и шнурки делали. А еще авоськи. Знаешь, что такое авоська?

Сергей кивнул.

Он обводил взглядом помещение, потому что в первое свое посещение подвальчика, когда здесь лежал труп, не смог это сделать со всем вниманием.

– Хорошо досмотрели помещение?

– А что тут осматривать? Комнатка небольшая. Отодвинули тумбочку под стойкой. Обнаружили вмонтированный в стенку металлический сейф. Ключи у Акопа в кармане нашлись. Открыли, а там триста восемьдесят одна тысяча рублей.

– Значит, не ограбление, – сделал вывод Ерохин, – и уж тем более убийца не Калошин. Он-то наверняка знал про сейф и к тому же отсутствовал в момент совершения преступления.

– Так я и не сомневался. Попрошу свою соседку, чтобы она подтвердила твои слова. Это как раз та официантка. Я-то ее с малолетства знаю, и она не будет финтить.

– Узнаешь результаты экспертизы по пулям и сообщи мне, пожалуйста, было ли засвечено где оружие прежде.

– А кто мне скажет? Сам позвони эксперту Сафонову. Ты же с ним имел контакт. Скажешь, что сапожник тебе обувь продавал и тебе интересно, кому он мог перейти дорогу. Он вообще мужик разговорчивый, если не сказать – болтливый.

Участковый окинул взглядом помещение, потом посмотрел на обувную коробку со шнурками, вынул оттуда еще несколько пучков и произнес:

– Надо идти, а то водка стынет. А по поводу Коптева скажу: сейчас он олигарх в погонах. А начинали мы с ним одновременно. Я даже чуть раньше пришел в уголовку. Выпивали иногда с ним, как мы с тобой сегодня. Ромка нормальным мужиком тогда был. Сейчас, если в отделе встречаемся в коридоре, то он мимо пролетает быстро, иногда может кивнуть и отвернется, словно стесняется своего прошлого. А потом смутные времена начались. Ну и решили мы с ним какой-нибудь объект под себя взять, чтобы крышевать, вроде того. Накрыли одну сауну, где всякие кооператоры с девочками стресс снимали. С ларьков у метро много ведь не получишь. А тут сразу и удовольствие, и продовольствие. Раз сходили, другой, а потом нас на камеру засняли. Тогда как раз они у народа появились. Изображение плохое получилось, но все равно каким-то образом все это оказалось в прокуратуре... К слову сказать, таким же образом лет через десять генерального прокурора накрыли, а еще раньше министра юстиции. Слышал, наверное? Но тогда это все было в новинку. Началось служебное расследование. Мы отпирались, но чего отпираться: изображение хоть и плохое, но меня узнать можно, а Роман не в фокусе, словно в тумане. В результате мне выговор и перевод в участковые. Теперь я после тридцати лет службы – майор, но хоть на пенсию не гонят – и то счастье. А Ромка – начальник райотдела, полковник...

– В генералы метит.

– Может быть, но я об этом не знаю. Был он нормальным мужиком, не подлым. Он и сейчас вряд ли что против службы... Хотя уверять не буду. И то, что он на тебя в свое время наезжал, мне непонятно. Вероятно, от того, что ты – чистый, как и он когда-то. Но он-то сомался, а ты, судя по всему, будешь держаться. Вот это его и бесило. У меня был приятель, тоже мент и тоже участковый. Но его участок был в Центральном районе. Он на нем с конца пятидесятых тридцать пять лет до самой глубокой пенсии отбарабанил. А это, сам понимаешь, Невский проспект: фарцовщики, проститутки, мажоры... прости, и творческая интеллигенция. Последних Роба особо не любил...

– Роба? – переспросил Ерохин.

– Так его все звали. А вообще он Роберт Васильевич. На его территории была кафешка без названия. На углу Невского и Владимирского, которую эта интеллигентная шпана прозвала... Как же?

– Сайгон, – подсказал Сергей.

– Ну да. Роба лично знал там каждого, и все они с ним здоровались. И он взял... то есть задержал одного поэта. На него показания кто-то дал. Роберт Васильевич стал этого непризнанного гения допрашивать на предмет сознанки. Тот перепугался, но молчит. Чего времени зря терять? Роба запер его в камере у себя в пункте и пошел. А тут снег повалил. Зима нача-

лась... А его начальство уже разыскивает. Короче, в РУВД уже звонки из разных кабинетов: все жалуются на зверства держиморд, которые допрашивают и пытаются гордость русской литературы. Робу вызвали в отдел, приказали отпустить. Роберт Васильевич уперся, мол, на поэта дали показания, а кроме того, он нигде не работает, доходов нет, а ходит в джинсах, курит импортные сигареты... В смысле, не болгарские. «Так мы его за тунеядство прихватим, – скажало начальство, – а пока выпускай, только извиниться не забудь. Мы же – не эти самые... не держиморды». Вернулся Роба, выпустил поэта и сказал, чтобы вел себя пристойно, а он за ним все равно наблюдать будет.

– А к чему это? – не понял Ерохин.

– К тому, о чем мы только что говорили: кто-то ломается, а кто-то честным человеком остается. Зашел Роберт Васильевич в каморку, а там на стенах стихи записаны. Роба потом вызвал поэта к себе и заставил смывать, но прежде один стишок себе в книжечку записал – понравилось оно ему. Мне потом показывал, и я даже выучил немного. Хочешь, прочту?

Сергей кивнул.

Тарасенко прокашлялся, потом оглянулся, не слышит ли кто посторонний, и продекларировал:

Жизнь проходит, что ты с ней ни делай,
Забываю и друзей, и даты.
С неба снег слетает чистый белый,
Я и сам таким же был когда-то...

Они подошли к помещению опорного пункта. Заходить внутрь Ерохину не хотелось. Но расставаться так просто было бы неудобно. И он спросил:

– А другие стихи там были?

– Были, но Роберт не стал записывать. Говорит, что про Васильевский остров, про смерть... Перепугался, видать, парнишка.

– *Ни страны, ни погоста не хочу выбирать*, – вспомнил Ерохин, – *на Васильевский остров я приду умирать*...¹

– О-о! – оценил участковый. – Да ты, я смотрю, в поэзии разбираешься.

– У меня тетка родная хорошие стихи любит. Наизусть их учит, мне читала в детстве.

Тарасенко вздохнул и посмотрел на подсвеченное огнями города небо.

– Ты-то местный, с Васькина острова, а я с Донбасса. Там и родители лежат, и та прядильно-ниточная фабрика. И первая любовь, которая провожала меня на службу во внутренние войска и обещала ждать. Я так и не вернулся. Тебя кто-нибудь ждет сейчас?

Сергей покачал головой. Участковый посмотрел на него внимательно, а потом протянул руку.

– Все равно иди. Удачи тебе. А вообще, так не должно быть, чтобы мужчину никто не ждал.

Возвращаться к тетке не хотелось – особенно после слов Тарасенко.

Когда-то у него действительно был дом, куда стремилась душа, где ждала его любимая женщина. А сейчас не было ничего, только тяжесть на сердце.

Подумав об этом, Сергей потрогал левую сторону груди, вернее, внутренний карман куртки, в котором лежал «ПМ», отобранный у Калошина.

Зачем ему пистолет?

¹ Иосиф Бродский.

Понятно, что в хозяйстве и пулемет пригодится, но, с другой стороны, если на «ПМ» убийства, как объясняться потом в полиции? И сдавать его нельзя по той же причине. Кто поверит, что бывший мент нашел оружие на улице?

Ерохин свернул в сторону Малой Невы, очень скоро пересек Уральскую улицу, дошел до покосившихся металлических ворот, протиснулся между кривых створок, стянутых ржавой цепью, оказался на территории бывшего судоремонтного заводика, где теперь лежали кучи мусора, и двинулся мимо полуразрушенного кирпичного корпуса к реке.

Оказавшись на пирсе, сразу увидел тот кораблик, о котором говорил Калошин, подошел к нему.

Вместо трапа на борт были перекинута три широких доски, стянутых для устойчивости брусками. Судно было ржавым, пропахшим тинной и гниющими отходами.

Место, откуда закидывал свои удочки Калоша, обнаружилось сразу.

Тут стоял пластиковый бутылочный ящик, прикрытый фанеркой, и стеклянная банка с окурками.

Сергей обернулся, осмотрел все вокруг, пытаясь понять, откуда сбросили в реку труп. А потом достал пистолет, размахнулся и швырнул его как можно дальше от берега.

Ерохин вернулся в квартиру тетки около полуночи. Нина сидела перед телевизором и смотрела фильм про Бэтмена.

– Не надоело? – спросил Сергей. – Не в первый раз уж смотришь. Неужели так увлекательно?

– А что еще смотреть? По всем каналам передачи про несчастных светских львиц, которых прежде называли совсем другим словом, про то, как им тяжело с тупой прислугой общаться, икра для них недостаточно черная, а еще их незаслуженно унижают хейтеры в Инстаграме. Но меня сейчас интересует другое: почему эта киношная муть делает такие сборы в Штатах? С преступниками борются человек-паук, человек – летучая мышь, еще какие-то мутанты, а взрослые американцы на это клюют.

– Просто они уверены, что нормальным людям с преступниками не справиться.

– Возможно, – согласилась тетка.

И тут она увидела, что Ерохин достает из пакета ботинки.

– Какая роскошь! – восхитилась Нина. – Откуда такие?

– Попал на распродажу.

– Ни за что не поверю! Я как-то на Невский выбралась и просто для интереса прошлась по всем этим бутикам и оказалась в магазине мужской обуви «Рокфор»... Ой, что это я. Рокфор – это сыр, а магазинчик назывался «Норфолк»...

– Может, «Оксфорд»? – подсказал Сергей.

– Точно! Именно так. Но цены там, я тебе скажу! От пятидесяти тысяч и выше. А такие там тоже стояли. Или почти такие. Сколько они стоили, уже не помню, но не пятьдесят тысяч – это точно.

– Давно это было?

– Недели две назад.

Часть вторая

Воскресенье

Глава первая

В воскресенье Ерохин проснулся рано, и разбудил его не будильник, который Сергей, на случай очередного несанкционированного срабатывания, перед тем, как лечь спать, засунул в старую подушку, подушку запихнул в валенок, а валенок вынес на балкон.

Разбудило Сергея солнце, которое погладило его по щеке. Он открыл глаза и сразу ослеп от его сияния.

Остатки сна разлетелись, как осколки разбитого зеркала, – что-то очень важное ускользнуло и растворилось за горизонтом сознания.

Рядом на стуле, через спинку которого были перекинuty джинсы, лежал мобильный телефон.

Сергей взял его, чтобы узнать время. Половина восьмого. Ночью пришло смс-сообщение. Номер был незнаком, но текст взбесил.

Ерохин вскочил с кровати и хотел отшвырнуть телефон, но в последний момент удержался.

Твоя смерть теперь как собачка: всегда где-то рядом, а подходит только, когда позову.
Стало ясно, кто прислал это сообщение.

Человек, который разрушил его жизнь, который почти пять лет не давал о себе знать. Пропавший и почти забытый, а ведь когда-то Ерохин собирался его убить.

Мерзкого подонка и психопата, который увел от него жену, а потом глумился, присылая сообщения о том, как хорошо им вдвоем и как они вместе потешаются над тупым ментом.

Хотел убить тогда, однако пытался отогнать от себя эту мысль, боялся остаться наедине с собой, потому что именно тогда, в одиночестве, особенно ночью приходили и сами собой выстраивались планы того, как это произойдет.

И чей-то вкрадчивый голос нашептывал в уши одно и то же: «У тебя получится. Получится чисто, без улик и подозрений. Ты знаешь, как это сделать, – ведь ты же мент, хороший мент, ты знаешь, как пойдет расследование, а потому сумеешь замести следы, подкинуть ложные улики. А если повезет, и сам станешь искать улики и отчитываться перед начальством о предпринятых твоим отделом оперативных мероприятиях...»

Избавиться от голоса было невозможно, но он молчал, когда Ерохин был с кем-то, на службе или в общественных местах. Тогда-то он и перестал спешить домой, заходил в бары... И кончилось все это плачевно.

А началось внезапно.

И, хотя Лариса все чаще и чаще уходила на ночные дежурства в свою клинику, но и это не вызывало у него подозрений.

У нее появились новые подопечные. И опять какой-то молодой человек, которого в детстве бросил отец, а мать почти сошла с ума от горя, изливался ей, рассказывая о собственных жизненных неудачах.

– Он такой несчастный, – вздыхала Лариса.

– Но не бедный, – ответил как-то Сергей, – не бедный, потому что ему хватает средств на мозгоправов вроде тебя.

И тогда она взвилась.

Почти кричала на мужа, обвиняя его в черствости и эгоизме, нежелании понять других людей, в нежелании помочь несчастным и обездоленным.

А она старалась помогать. И даже лишний раз брала суточные дежурства. Говорила, что специально берет сутки во время его дежурств, чтобы не скучать дома одной.

Ерохин возвращался домой по утрам уже после нее, заставлял жену в постели.

Осторожно, чтобы не разбудить Ларису, ложился рядом, и она, не открывая глаз, шептала: «Я очень устала».

Через пару часов он просыпался и мчался в магазин, чтобы приготовить что-то к ее пробуждению. А что он мог приготовить? Разве что пожарить замороженные магазинные котлеты, сварить макароны или картошку, но Лариса ела приготовленное им, правда, смотрела при этом не на Ерохина, а на экран телевизора.

Потом эта идиллия закончилась.

...Она очнулась после продолжительного дневного сна, сказала, что его стряпня ей уже поперек горла. И вообще у нее есть желание сходить с девочками в кафе или в какой-нибудь ресторанчик.

Сергей не сомневался, что составит компанию жене, но та вдруг разозлилась, стала кричать, что уже сто лет не встречалась с подругами, хочет узнать все новости, но кто же будет делиться с ней девичьими тайнами в присутствии мужчины.

Она ушла одна, даже не позвонив подружкам, чтобы договориться о месте и времени встречи. И только тогда зародилось сомнение. Проверить, где она находится и на какой номер звонила, труда не составило.

Через час он вошел в небольшой вестибюльчик ресторана «Иверия» и через стеклянную дверь увидел Ларису, сидящую к нему спиной за столиком. Вместе с ней сидел молодой человек с длинными волосами и густым пухом на щеках и подбородке.

Сердце забило часто и гулко, то ли от того, что стало понятно, что жена обманывает его, то ли от стыда, что ему пришлось выслеживать ее.

Лариса растерялась, когда он подсел, но тут же взяла себя в руки.

– Я по делу заскочил, у входа договорился встретиться со своим информатором.

– Это который за мной следит? – рассмеялась жена. – Как тебе такое в голову пришло? Это... – она показала на молодого человека, – тот самый мой подопечный, о котором я тебе говорила. Его зовут Олег, и его сегодня выписали из клиники. Он уезжает домой и решил пригласить меня на дружеский прощальный ужин. Он живет в соседнем дворе. То есть квартиру там снимает.

Молодой человек сидел прямо.

Он был спокоен, но уголки его губ улыбались так, словно ему стоило огромных усилий сдерживать не улыбку, а презрительную и высокомерную усмешку.

Ерохин почувствовал, как пальцы сами сжимаются в кулак: так захотелось вцепиться по этому наглому рту.

Но он произнес спокойно:

– Я сейчас уйду: я встретился с человеком, получил необходимую информацию, здесь меня ничто не задерживает...

– Ну, посиди с нами хоть немножко, – попросила жена, – ты нам совсем не мешаешь.

– Мы пригласили тишину, – вдруг пропел негромко Олег, – на наш прощальный ужин.

– Образованный у тебя друг, – не очень искренне восхитился Сергей, – с творчеством Вертинского знаком.

– И не только, – ухмыльнулся молодой человек и откинулся на спинку своего стула.

Олег был высок, немного сутул и, по виду, вовсе кисель. Таких даже бить неинтересно: никакого сопротивления не будет.

– Тем не менее мне надо бежать, – произнес Сергей, поднимаясь, – мне надо в отдел заскочить ненадолго.

– Как жаль, что вы не общаетесь, – вздохнула Лариса, уже взявшая себя в руки, – вам было бы о чем поговорить.

Ее приятель засмеялся и отвернулся в сторону. Но жену это нисколько не смутило.

– Как жаль, – вздохнула она еще раз.

– Удачи вам, – произнес Сергей и направился к выходу.

За крайним столиком у самой двери сидели трое мужчин. Один из них повернулся к Ерохину спиной.

Сергей остановился и взял мужчину за плечо.

– Беленов! Как я тебя не заметил, когда вошел? Что ты вообще тут делаешь? Ты же сидеть должен!

Мужчина наконец обернулся и улыбнулся широко.

– Привет, начальник. А мне сто пятую на сто седьмую поменяли. Разве ты не слышал? Я был в состоянии аффекта. Меня жена постоянно унижала, у меня была психотравмирующая ситуация.

– Я в курсе, что поменяли. Но тебе три года дали, как рецидивисту.

Мужчина засмеялся, а за ним и его приятели.

– Суд высшей инстанции отменил, – объяснил Беленов. – Мне назначили два года принудительных работ. Вот отмечаем с друзьями. Адвокат еще советует получить с ментов. За то, что ты, гад, меня при задержании избил.

– Ты на меня сам с ножом бросился.

– Так у меня психотравма эта самая... Я не соображал...

Ерохин обернулся и посмотрел на столик, за которым осталась его жена. Теперь они с Олегом склонились над столом и о чем-то переговаривались шепотом.

– Ладно, – сказал Ерохин убийце, – в следующий раз бросишься на меня с ножом, поймаешь пулю.

– Поживем – увидим, – рассмеялся Беленов.

Ерохин вышел из ресторана, подошел к своей «девятке», которую спереди подпер багажник «Мерседеса», сел в машину, завел двигатель, сдал немного назад, потом попытался вырваться вперед. Сразу не получилось, но со второго раза удалось, правда, зацепив бампер «мерса». Сработала сигнализация дорогого автомобиля.

Ерохин рванул с места.

По пути он заскочил в магазинчик, взял бутылку водки. Дома сел за накрытый стол. Сразу плеснул себе почти полный стакан и начал закусывать остывшими котлетами и холодными макаронами с сыром.

Лариса вернулась быстро, бутылка еще была почти наполовину полной.

Правда, Ерохин перебрался с ней в гостиную. Он слышал, как открылась входная дверь, как в прихожую вошла Лариса, как она разувалась, не говоря ему ни слова, хотя видела и открытую дверь комнаты, и спину мужа, сидящего за столом. И бутылку водки, стоящую на столе, тоже наверняка видела.

Ерохин не обернулся, не спросил жену ни о чем, взял бутылку и плеснул в свой стакан.

– Ты сорвал нам мероприятие, – прозвучал голос жены, – дело даже не том, что проститься по-человечески не получилось – просто вся моя работа пошла насмарку. Только-только я вернула человека в нормальное адекватное состояние, а тут для него новый удар – у меня, оказывается, ревнивый муж, который меня выслеживает. Понятно, что мент – это тоже диагноз, но Олег – он из другого теста сделан. У него и так все по жизни плохо. Его отец оставил семью, когда мальчику было семь лет. Оставил их с матерью без средств, им пришлось голодать. Отец, кстати, очень не бедный человек. Мать мучилась, страдала, болела...

– Зачем ты мне все это рассказываешь? – спросил Сергей, не оборачиваясь и поднося стакан ко рту.

– Чтобы ты понял, как мне трудно пришлось. Олег полгода назад, уже находясь в нашем городе, узнает, что у него умерла мать. Ему пришлось самому заниматься похоронами, а когда вернулся сюда в институт, то немножко тронулся... Да-да... Именно тронулся. Он перестал обращать внимание на действительность, которая его окружает... Он начал жить в своем воображаемом мире, где нет зла, где только любовь и сострадание. Он попал в нашу клинику...

– Как он туда попал? – удивился Ерохин. – Насколько мне известно, у вас очень дорогое заведение.

– Другьям Олега удалось связаться с его отцом, достучаться до него. И отец все оплатил.

– Значит, все-таки у твоего подопечного есть друзья, – снова удивился Сергей, – и отец не такой уж бессердечный. И на вид твой Олег не такой уж несчастный...

– Хватит кривляться! – закричала Лариса. – Ты всю мою работу пустил насмарку. У Олега рецидив...

– Его снова в клинику отправили?

– Нет. Он поехал домой. Но теперь я не уверена, доедет ли он туда. У человека горе. А ты сидишь и водку пьешь. Не надоело считать себя выше других людей? Кто ты такой сам?

Сергей снова взял стакан, залпом выпил его содержимое. Взял с тарелки половину котлеты и отправил ее в рот.

– У меня был сокурсник, – начал он, продолжая жевать, – а у сокурсника дедушка без ноги, фронтовик. Так этот дедушка часто брал баян и наигрывал нам одну и ту же песню.

Ерохин поднялся из-за стола, подошел к шкафу, за которым у стены стояла гитара, взял ее в руки, прошелся по струнам, а потом запел, аккомпанируя себе:

Я был батальонный разведчик,
А он писаришка штабной.
Я был за Россию ответчик,
А он спал с моею женой.
– Ой, Клава, родимая Клава,
Ужели судьбой суждено,
Чтоб ты променяла, шалава,
Орла на такое говно.
Забыла красавца-мужчину,
Позорила нашу кровать,
А мне от Москвы до Берлина
По трупам фашистским шагать...²

Лариса смотрела на него с круглыми от удивления глазами.

– Ты – больной, – наконец прошептала она, – я только сейчас это поняла. Я тут перед тобой всю душу наизнанку выворачиваю, а ты какие-то маргинальные песни поешь...

Ерохин перестал играть и вернул гитару на место.

– Ладно, – произнес он, – будем считать, что этого Олега не было никогда...

Он прошел мимо жены, вышел в коридор и услышал, как она прошептала за его спиной:

– Ненормальный.

А его разрывало от обиды, злости и ненависти.

² Народная песня. Хотя авторство приписывают Алексею Охрименко (Дед Охрим).

Глава вторая

Воскресное солнце все так же слепило глаза.

Ерохин вышел из ванной, зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел перед собой Нину.

– Ты куда-то собираешься? – спросила она. – Выходной ведь.

– Заскочу в свою квартиру, скажу студенту, чтобы съезжал. Дам ему пару дней на сборы.

К тому же за ним должок небольшой.

– Может, пусть поживет еще немного, – предложила Нина, – ты меня не стесняешь нисколько, к тому же двадцать тысяч в месяц тебе не помешают.

– А девушку, с которой познакомлюсь, куда приводить?

– Да когда ты еще познакомишься... – начала было тетка и сама испугалась того, что сказала. – Я не в том смысле. Просто надо куда-то тебе выйти, компанию приличную себе найти. Не на улице же ты знакомиться будешь.

– А почему бы нет? Оденусь попримечнее. Прикинусь интеллигентом...

– Да, – согласилась Нина и снова вспомнила: – Оденешь свои новые ботинки.

– Да я как-то...

Надевать обувь с трупа Ерохин не собирался. Они у него были приготовлены на другой случай. Он хотел показать их в магазине «Оксфорд», о котором накануне говорила тетка, и узнать, кому они были проданы и когда. Но даже если продавцы вспомнят дату и если покупатель рассчитывался с банковской карты, вряд ли удастся узнать его имя. Но попытку сделать можно.

Одно лишь смущает: он приедет с этой проданной в магазине парой и будет узнавать, кто ее купил. Что в таком случае подумают продавцы?..

– Хорошо, я признаюсь, – произнесла Нина, – только не надо меня сразу ругать. Лиза... прости, твоя мать, – продолжала присылать тебе подарки, хоть ты ей это и запретил. Но мне ты не приказывал от нее ничего не принимать. Вот я и...

Тетка смотрела ему в лицо, словно пыталась узнать, как племянник отреагирует, взорвется или выслушает все до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.